

Мargarita Гремпель

РОНДО-В

18+

Маргарита Гремпель

РОНДО-В

«Автор»

2026

Гремпель М.

РОНДО-В / М. Гремпель — «Автор», 2026

Дисклеймер: НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Это непридуманная история о докторе, о судебно-медицинском эксперте. Событие плотно и глубоко наполняют роман содержанием, перемежаясь с философскими рассуждениями автора. Автор ведёт диалог с читателями от первого лица, от лица судебного врача. Маргарита взялась пересказать нам судьбу и трагедию жизни смелого и принципиального человека, дополняя их своими взглядами на жизнь, на замысловатые сложности и трагические перипетии. Вырисовывается в романе чёткая и ясная картина добра и зла. И добро рано или поздно победит зло. Как говорит доктор Рондов, что «Бог сильнее Дьявола», и хочется в это, безусловно, верить, потому что это и есть в романе главная его идея и лейтмотив, что жизнь продолжается на Земле благодаря победе добра над злом.

© Гремпель М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глав (70)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Маргарита Гремпель

РОНДО-В

Глав (70)

Автор:
Маргарита Гремпель
(роман)

Все совпадения имен и фамилий персонажей романа с реальными людьми могут быть только случайными.

*Бог сказал: «Никогда не мстите тем, кто вас обидел!
Я позабочусь о них! Вот увидите!»*

Часть 1

1

Моё сознание горело огнём. Порой мне казалось, что огонь пожирал меня самого. Я давно хотел поделиться историей о трагической смерти водителя по грузоперевозкам, Павла Павловича Гичкина.

При этом помнил, что Велиар жив. Я погрузился в воспоминания, в високосный 2016 год.

Той осенью произошло у нас в городе два курьёзных убийства. В первом случае лишили жизни таксиста. Жертвой бандитов стал простой «бомбила», он оказался родным дядей районному прокурору. Это известный всем – медлительный и нерасторопный Андриан Анатольевич Ярош. Наш прокурор не мог исполнять обязанности государственного обвинителя в суде по нашумевшему уголовному делу. Его роль и функции взяла на себя Ракова Наталья Евгеньевна. Она была Государственным советником юстиции 2-ого класса, областным прокурором, генерал-лейтенантом. Для меня осталось бы большим грехом, если бы я не воспользовался случаем, чтобы с ней в этот раз не встретиться. И я встречаюсь!

Во втором случае, среди двух упомянутых убийств, – был такой же водитель, но по грузоперевозкам.

В субботу было прохладно и сухо. Я находился в кабинете, доннимали звуки звонившего телефона. Долго не нажимал на кнопку приёма вызова. Он продолжал звонить снова и снова. Пришлось ответить. Я тогда ещё не знал, что это и будет тот самый случай с водителем по грузоперевозкам, о чём я и хочу рассказать в этом романе.

– На своей машине приеду, – ответил я дежурному ГОВД.

Возле двухэтажного многоквартирного дома собралось два десятка людей. Ко мне подошёл участковый полицейский.

– Сергей Петрович, – начал он тихо разговор, озираясь по сторонам, – посмотрите внимательно! Вы сегодня будете вскрывать?! Его вчера били несколько человек! – говорил участковый, коренастый молодой мужчина. – А утром он оказался мертвым!

Женщины и мужчины, что стояли на улице и в подъезде, начали подсказывать, куда пройти.

Очутился я на втором этаже малогабаритной квартире. В маленькой комнате, она напоминала спальню, на полу лежал бездыханный мужчина в одежде.

Умер, осматриваемый покойник, задолго – не меньше, как за 10-ть часов до моего приезда. Смерть произошла вечером.

На лице у трупа оказалось много кровоподтёков, ссадин и мелких ран. Это подтверждало слова участкового, что человека накануне били.

Следователя здесь не оказалось и меня это немного расстроило. В морг в этот день поступило несколько умерших. Я спешил как можно быстрее вернуться на своё рабочее место, чтобы закончить работу, потому что была суббота и откладывать её на воскресенье, было бы не лучшее решение проблемы.

Но пришлось звонить Сунину и уточнить, нужен я ему или нет. Труп я уже осмотрел и освободился.

Следователь бравурно расхохотался в трубку:

– Не-а! Десятый, раз осмотрел, больше ненужен! Дальше мы сами разберемся!

После его слов по телефону я уехал. Мало что сможет заключить и понять эксперт при осмотре трупа на месте его обнаружения. Только после вскрытия удастся установить подлинную причину смерти. Но я уже слышу справедливые претензии и голоса тех, кто захочет опровергнуть меня. Не стану долго спорить и с ними. Расскажу историю из своей многолетней практики про двух братьев Кочкиных.

Случилась эта история давно. Упомянутые два брата поскандалили. Раздор дошел до патасовки. Младший брат, одолев старшего, повалил его на землю и, по рассказам очевидцев, бил того по голове.

Исследовав труп, избитого и умершего одного из братьев, я не нашел признаков черепно-мозговой травмы. Начал вспоминать пояснения из учебника по судебной медицине, автором того фолианта был Авдеев Михаил Иванович. Он утверждал, что иногда, внешне складывающиеся, обстоятельства кажутся похожими на убийство, но смерть потерпевшего может наступить от острой сердечной недостаточности. Упрощённо – «от остановки сердца». Но полную картину наступившей смерти удаётся установить только после тщательного исследования мёртвого тела. Нужно вскрыть труп и изучить результаты дополнительного исследования изъятого биологического материала. У мёртвого Кочкина я не нашёл черепно-мозговой травмы. Её не было!

В то время в морге у нас работали две старые спившиеся санитарки. Обе маленькие и толстые старушки: Чичикова Тося и Гура Аня. Они выглядели очень похожими друг на друга. Чичикова, из-за своей фамилии, сразу врезалась в мою память (фамилия у неё, как у известного персонажа из великого романа).

Я громко диктовал текст (протоколировал) при исследовании трупа Кочкина. Слушала меня и печатала медрегистратор.

Чичикова быстро поняла все тайны о причинах смерти Кочкина и тихо покинула секционный зал.

Обеспокоенная сноха Кочкиных, худая, русоволосая жена младшего брата, Верка, с утра отправилась в морг.

– Ой, заходи Верочка, заходи! – с порога запела Чичикова, когда встретила сноху непутевого семейства Кочкиных.

Она потащила Верку к себе в коморку. Оглянулась, проверила, не видит ли кто их, и стала нашёптывать, словно ворожить:

– Ты ж, посмотри, несчастье-то, какое! Два брата, одного уже нет, а второго теперь и не знаю, что ждет! А что ждёт!? Тюрьма! Тюрьма его ждёт!

Верка сильно переживала, ещё до прихода в морг, до разговора с Чичиковой. Но сейчас она ещё больше побледнела и стала белая, как простыня.

– Тося, миленькая, ты скажи, что там?? А-а?! Он ведь, вроде, и несильно бил его! Потаскали друг друга, и всё! – взмолилась от горя жена непутёвого брата.

– Ты вот что, неси тысячу, а я договорюсь с доктором!

Раньше тысяча рублей была почти полная стоимость нового мотоцикла «Явы» или «Урала».

Уголовное дело по брату Кочкина возбуждать не стали. Я пришел к выводу, что смерть наступила от острой сердечной недостаточности. Меня после этого спешно отправили на специализацию в Барнаул.

Но в этот раз я собираюсь рассказать историю, когда погиб добрый и честный Павел Гичкин. Он был отцом двух малолетних детей и братом бесконечно любящей его сестры.

Сейчас я работаю в Сибири, после вскрытия и исследования трупа Гичкина меня уволили с работы. Но я до сих пор верю, что уголовное дело о его смерти пересмотрят, осудят настоящего убийцу на длительный срок. Вынесут справедливый вердикт в отношении Велиара!

И вот, когда должны были рассматривать в суде дело по убитому дяде Яроша, я напросился у него для встречи с областным прокурором.

Говорить всю правду баловню судьбы не хотел, чтобы он не стал препятствовать нашей встрече.

Он сказал, в какое время сведёт меня и познакомит с ней прямо у себя в кабинете. Я подстраховался и приехал раньше. Но не застал никого, даже самого Яроша. Предварительно я заглянул в его кабинет. Секретарша отсутствовала на рабочем месте. Неожиданно она подошла ко мне сзади, сбита женщина с мощными бедрами и квадратным лицом.

– А Андриана Анатольевича нет! – известила она

– Как же?! Мы договаривались о встрече! Он не мог забыть! – расстроился я, вспоминая, что раньше прокурор меня не обманывал. В таких мелочах не хитрил, или заранее мне не обещал.

– Сергей Петрович! Так он же поехал встречать Ракову – областного прокурора! – с лёгкой ехидной ухмылкой проговорила секретарша Яроша.

– Куда встречать?! Она же сама к нему едет?! – я продолжал недоумевать.

– На стелу!

Тут я всё понял, что он решил встретить ее прямо перед въездом в город.

– У него дочь ещё школьница. Поработать хочется. Здесь хорошая зарплата! Даже на одну пенсию прокурора у нас жить тяжело! – опять с усмешкой добавила секретарша.

Я поехидничал бы на его счет, но ещё не забыл, как недавно и сам услужливо бегал на цырлах перед Пупком (Велиаром). Помню, тоже поехал на своём автомобиле встречать его на стелу. Тот ехал в наш город на похороны бабушки своей жены.

Когда я вместе с Пупком заехал в город, обнаружил, что не успел отдать ему деньги, так называемую мзду, или «оброк». Мы остановились возле магазина детских игрушек. Я вынул из кармана пачку купюр и сунул ему прямо в руки. Он испугался и отшатнулся, отдергивая пятерню. Краем своего глаза он заметил главного врача Сердобска – Салахова. Тот неожиданно оказался возле магазина, где мы наметили с Пупком поговорить и расстаться, чтобы он

отвез жену к её покойной бабушке. Приоткрыв заднюю дверцу автомобиля, на котором приехал Плотников, показалось лицо страстной, но красивой и худой мегеры. Она скомандовала подкаблучнику:

– Аркадий, я долго буду ждать??

– Сергей Петрович, ты своего главного врача не видишь?– испуганноотреагировал Велиар на мою взятку (потому что у главного врача были большие связи в области).

– Да какая разница?! Он разве догадывается о чем идет речь?! Я долг вам отдаю! – спокойно ответил я.

Пупок пришел тут в себя, и взял у меня деньги, положил их в оттопыренный карман у брюк. Он оказался без пиджака. А рубашка на нём была тонкой, с короткими рукавами.

– Аркадий!? Ты заставляешь меня нервничать! – снова вздохнула и морщилась худосочная писклявая супружница.

Теперь, когда я искал встречи с областным прокурором, с целым генерал-лейтенантом, застал её в кабинете Яроша.

Визит мой стал нашей единственной и последней с ней встречей. Я увидел её воочию, не считая в этот день судебного процесса по убитому таксисту. Ракова, генерал-лейтенант, с молодым мальчиком в звании капитана, поддерживала приговор по двум подсудимым. Она выступит государственным обвинителем. Про молодого красивого капитана говорили, что он был её очередным фаворитом.

Прокурор вошла в кабинет Яроша из соседней, совмещенной, комнаты. Она предназначалась для отдыха, обеденных перерывов или перекусов. Я решил, что Наталья Евгеньевна пила там чай. А теперь, когда выходила, то она стряхивала со своего синего кителя и юбки, прилипшие волосы и белые нитки, которые липли к ткани ее формы. Но меня поразило другое обстоятельство или её качество, что сохранить изящную фигуру, какая была у неё, могла только женщина. Удивляло ещё и то, что служебная одежда на ней смотрелась мятой. Возможно, она быстро теряла форму, если даже накануне хозяйка успевала её погладить.

По сути, она показалась мне всего лишь вальяжной и манерной бабенкой.

Сейчас рядом с Раковой крутился Ярош в звании «настоящего полковника». Он был старший советник юстиции. Тут же скакал и приседал юрист первого класса, капитан, помощник Раковой, которому приходилось вести за неё всю работу.

– Наталья Евгеньевна, нам как сейчас лучше поступить!?! – заискивал Ярош, низко приседая.

– Ждите, я всё скажу!.. – грубо ответила Ракова, передавая капитану папку, заметив моё присутствие. О моём визите, безусловно, Ярош её предупредил.

– Проходите! Садитесь! – она показала на мое место, при этом прямо на меня не смотрела.

Я сел за стол, и мы оказались друг против друга. Она продолжала незаметно разглаживать рукой свою юбку, и этим пыталась снова с нее что-то стряхивать. Вблизи я увидел и разглядел, что ткань, из которого пошита ее форма, низкого качества, поэтому к ней все липло. Она как-то умышленно и ловко умудрялась не смотреть в мою сторону. Прокурор учтиво переспросила (и тогда я догадался, что Ярош лично поспособствовал нашей встрече):

– Вы о чем-то хотели поговорить со мной?!

Я замялся, испытывая неудобства и скованность от присутствия ее подчиненных. Она поняла, и в следующем вопросе обозначила мои сомнения:

– Вы хотите говорить наедине?

– Да!

– Ну-ка! Вышли оба! – безапелляционным тоном и грубо скомандовала она обоим служителям прокуратуры.

Они быстро и послушно вышли.

– Наталья Евгеньевна! – назвал я её по имени отчеству, зная, как её зовут. Представляться сам не стал. Подумал, что Ярош дал ей полный расклад обо мне. – В деле по Маскаеву, дочь девиственница! И мне кажется, что дело идет не совсем в правильном направлении. Я хочу обратить ваше внимание именно на это! – и тут я замолк. Это случилось от того ощущения, что если бы Ярош услышал мою речь, он никогда бы не допустил подобной встречи в своем кабинете.

– Мне кажется, совершается большая ошибка следователем и судом, – приходилось снова говорить о пресловутых обстоятельствах. – Я не могу молчать и прошу вас обратить внимание на необычное и сложное дело! Оно уже прошло через наш городской суд, суд первой инстанции. Остановите его, пока есть время и возможность, исправить ситуацию!

– Да-да! – она выронила слова, обескураженная моим откровением. Ракова теперь не понимала, как такое могло случиться в кабинете Яроша. Она услышала сомнения в уголовном деле, подписанным районным прокурором, после вынесенного приговора городским судом. «Что это?! – подумала она и обозлилась. – Халатность её или Яроша, или это прихоть, озвученная судебным врачом?!» – Я поняла, что вы мне сказали! Я знаю это дело!! Наслышана!! – ответила она и, возможно, хорошо помнила его. Она снова умудрялась на меня не смотреть, и мне продолжало казаться это ещё более странным. – Я Вас услышала! – сказала она фразу, которую я почему-то предчувствовал, как странное продолжение нашего разговора или как отпавшее желание меня слушать. – У меня каждое дело проходит через мою душу! Я готова помочь и вникнуть в суть проблемы любого незаконно обиженного и оскорблённого человека! – наигранно она произносила слова, вроде как слышит и видит страдания и боль нашего народа.

После этого, я откланялся и покинул кабинет «добрых» и «отзывчивых» прокуроров.

2

В суде Ракова снова не смотрела на меня. Она качала головой то вверх, то вниз; и я думал, как у неё это ловко получается, «вверх и вниз», чтобы только не глядеть в мою сторону... Она, словно одобряла или соглашалась со мной таким движением головы и с тем, что я говорил, но наши глаза ни разу и не встретились.

– Сергей Петрович, – в очередной раз судья Малашин Антон Антонович хотел уточнить свои познания и услышать якобы разъяснения для суда, – на лице убитого много ссадин и кровоподтёков, есть и рвано-ушибленные и рубленые раны. Они что, все причинили тяжкий вред здоровью?!

Когда-то я назвал Малашина «человеком без подбородка», похожего на противную лягушку или на жабу. В лучшем для него случае, он напоминал головастика. В продолжение этого сравнения он оставался судьёй без принципов и без совести.

– Поясните нам! Где здесь истина!? – закончил свой вопрос судья.

– Да! Все правильно! Его били по голове руками, ногами, разводным ключом, зубилом (тут я опять вспомнил о прокуроре Яроше, которого иногда называли «Зубариком»)... Дальше я установил, у него тяжёлый ушиб головного мозга... Ссадины, кровоподтеки, рвано-ушибленные, рубленые раны на голове обозначили места ударов нападавших. Это единый комплекс тяжелой черепно-мозговой травмы. Каждый удар в область головы отягощал предыдущий.

– Но, Сергей Петрович, хотелось бы уточнить... Человеку режут кожу и мышцы на голове, в том числе и на лице. И что?! От этого ушиб головного мозга?! – он задавал вопрос, который обговорил со мной заранее. Теперь озвучивал его, не опасаясь, что услышит какие-либо противоречия.

– Нет-нет! Речь идет не об этом! Здесь не резанные, не колото-резанные и не колотые раны, а рвано-ушибленные и рубленые. Они образуются в результате механизма ушиба. То

есть от удара тяжёлым предметом с тупыми гранями или с острыми, но, в любом из названных вариантов, при нанесении удара, и в этом случае – в область головы.

– А понятие «удар ножом» здесь как!? – решил блеснуть умом Малашин.

– Такие раны могут становиться рубленными, а не колото-резанными. Но мы уйдём тогда в определения, как «рубить» и «резать».

Областной прокурор то ли слушала меня, то ли не слушала. Но я периодически поворачивал голову в её сторону. Наталья Евгеньевна ни разу, за время моего выступления, не посмотрит на меня, глаза в глаза. Малашин оставался в этом заседании предельно галантным и не по чину – рассудительным и демократичным. Он, словно приседал и пританцовывал под надзирающим взглядом областного прокурора, хотя продолжал сидеть.

Начал он свою карьеру, как многие блатные дети. Сын коммунистического функционера лихо проделает путь и быстро пройдёт по карьерной лестнице от следователя Сердобского межрайонного следственного отдела Пензенского следственного комитета – до судьи федерального суда.

Малашин всегда, и до этого и после, оставался и остается по сегодняшний день циничным, жалким существом. Уродился он внешне мелким, и сформировался, как трусливый тщедушный слюняй.

В ситуации с убитым таксистом у Антона Антоновича, у прыткого лягушонка, складывалось, к счастью для него, все очень гладко. Определение «лягушонок», с уменьшительно-ласкательным суффиксом подходило ему больше всего. Он оставался щуплым, физически неразвитым, и будто без нижней челюсти.

Двое убийц, оборвавшие жизнь таксиста, сердобского бомбилы, своей вины не отрицали.

Малашин из-за необходимости соблюдения процедуры и протокола судебного заседания, а в этот раз – особого внимания, невольно присутствующего, областного прокурора, задаст обязательные или почти обязательные вопросы:

– Подсудимые, встаньте!

Двое мерзких подсудимых в клетке, кривляясь, неохотно поднялись.

– У вас есть вопросы к эксперту? – завершил начатый вопрос Антон Антонович, судья без подбородка.

Они стали говорить наперебой:

– У нас ни к кому нет вопросов!

– Какие вопросы, гражданин судья?

– Он не мучился. А это главное! Все по уму!

– Он не кричал. Ему не было больно.

– Нам нечем было платить!

– Всех испортил капитализм!

Малашин не перебивал их и не останавливал, он сильно волновался, косясь на прокурора.

– Замолчите, подонки! – на повышенных тонах выпалил я. – Извините, Ваша честь! Не выдержал, сорвалось!

– Да уж, выбирайте выражения! Сергей Петрович! Они тоже люди! Это всё наши люди! А мы с вами в суде!.. – наконец-то вмешался Бидон Бидонович (его называли иногда и так).

Вопросов у подсудимых ко мне не оказалось.

Теперь, когда я вспоминаю о братьях Кочкиных, вижу насколько изменились подсудимые. Они превратились в озверевших людишек. Произошло это за короткие годы, неполные всего лишь 30-ть лет. Словно человечество потеряло свой облик. В то же время, я не находил снисхождений и тогда и сейчас Кочкиным, выяснявшим таким способом свои отношения.

Суд по таксисту закончился, и судья Малашин вынес большие сроки наказаний для убийц. Прокурор Ракова вернулась в Пензу. А я с тревожным чувством ожидания и волнения верил, что областной прокурор в звании целого генерал-лейтенанта вникнет в дело по Маскаеву. Разберётся до конца. И она «вникла» – хуже уже не придумаешь.

В моём кнопочном сотовом телефоне раздался ехидно-презрительный голос Сунина:

– Десятый! Ты чего там наговорил областному прокурору?! У нас в комитете, в приличной организации, между прочим, генерал удивлён, все недовольны! Мы обалдели! Я не знаю, что конкретно ты говорил Раковой, но наше общее недовольство я тебе передаю: не надо, Десятый, так шутить!! – он говорил взволнованно. Но даже сквозь корпус своего телефона, на расстоянии, я чувствовал его уверенность, что всё у него правильно и «идёт по плану», как он нередко заявлял.

3

Теперь, чтобы перейти к истории смерти Павла Гичкина, меня тяготят и останавливают события с братьями Кочкиными. Что-то грустное и странное как происходило во мне тогда, происходит и сейчас, словно продолжает кто-то бороться в моём растревоженном сознании. Хотя прошло уже почти три десятка лет. Но воспоминания о несчастном умершем брате Кочкине остро начали всплывать утром, когда я осматривал труп индивидуального предпринимателя – того самого Павла Павловича Гичкина, 1981 года рождения.

Переживания, которые появились из далёкого прошлого и новые, что народились сейчас, как тревожные чувства, одинаково давили на меня. Но все размышления тут оборвутся, потому что в мой кабинет неожиданно войдёт или снова бесцеремонно ввалится Джульбарс, следователь современной России... Оттого, что он был высоким и тощим, мне казалось и раньше, что он не ходит, как все люди, а кобенится. Он манерно вышагивал, будто передвигался на деревянных ходулях. Теперь он настаивал, чтобы начать вскрывать в первую очередь труп того молодого мужчины, к смерти которого проявил сначала несильный служебный интерес.

Опять начал всплывать перед моими глазами образ полицейского и его слова, когда я вышел из квартиры, где осмотрел труп:

– Сергей Петрович! Вы сегодня будете вскрывать!? Всех, кто его бил, я знаю! Они были на привокзальной площади! Их многие видели! Они три друга – вместе вчера собрались! Двое отделались лёгким испугом. Я их уже допросил. Они принесли Пашу домой! Он идти не мог!... – вот так он мне коротко обрисовал нюансы, и подробности о смерти Паши Гичкина.

Но такое положение дел, когда следователь просил меня вскрыть кого-то раньше, случалось нередко. Всё делалось в интересах раскрытия тяжкого преступления и задержания преступников. А иногда ситуация складывалась по-другому. Выходило всё наоборот, следователю нужно было не задержать подозреваемого человека в преступлении, а отпустить, когда признаков насильственной смерти я не находил. Они отсутствовали. Так было с братьями Кочкиными. Тогда вёл похожее дело молодой красавец, смахивающий на итальянского мафиози, следователь прокуратуры Ганин. А сейчас станет вести хлыщ из следственного комитета – Сунин. Он же Джунгар. Я догадался, что меня мучило и тревожило. Свежими оставались в памяти события и воспоминания об осужденном, Маскаеве Петре Федоровиче, где вёл дело тот же хлыщ.

Я понимал, что столь скорое появление Сунина Игоря Николаевича в морге, предопределено другими причинами. То, что происходило много лет назад, когда братья Кочкины таскали и швыряли друг друга, смерть одного из братьев наступила от сердечной недостаточности.

Я часто вспоминал поучительный пример из учебника «Судебная медицина» под редакцией любимого автора. Он уже давно ушёл из жизни, но стал классиком судебной медицины, Адеев Михаил Иванович, доктор наук, профессор, член-корреспондент РАН. Поэтому я неслучайно завёл разговор о внешних и порой ошибочных суждениях, при кажущемся насилии одного человека над другим. В учебнике был описан тот случай, когда маленький мальчик во дворе дома кинул куриное перо в направлении, сидевших на лавочке, бабушек. Одна из них после этого сразу умерла от острого инфаркта миокарда. Напрашивался естественный вопрос: виновен ли мальчик, и есть ли прямая причинно-следственная связь между поступком маленького хулигана и неожиданной, скоропостижной смертью старенькой бабушки?! И оказалось – нет. Инфаркт миокарда является результатом длительного изменения коронарных сосудов, которые поражаются атеросклерозом с образованием атеросклеротических бляшек. Они сильно суживают просвет сосудов, а потом появляется тромб, и когда он полностью перекрывает сосуд, это и приводит к инфаркту миокарда. А баловство мальчика и смерть бабушки – стечение случайных, хотя и неблагоприятных, обстоятельств.

Но сегодня, в трагической ситуации с Гичкиным, Сунина что-то настораживало и угнетало. Однако присутствовать на вскрытии, он наотрез отказался. Но все инструкции и протокол нашего исследования трупа обязывали его к этому.

Мы с Олей делали снимки на имевшийся у нас цифровой фотоаппарат. Я определял ракурс, с какой позиции производить фотосъемку.

– Этот снимок сверху... Захвати лицо и область перелома костей свода черепа... Получается, Оля?!.. А вот так... вот сюда направь объектив... Здесь возьми крупным планом... Ну, что!? Как!? Получается!?

– Да, Сергей Петрович, все получается!

– Выдели с близкого расстояния телесные повреждения на лице. Я выверну сейчас у него губы, сфотографируй слизистую губ. Сколько уже у нас снимков?!

– 50-ят!

– Оля, ты не могла бы сейчас отдельно, пока только для меня записать мою речь, как вариант моих размышлений?..

– Хорошо, Сергей Петрович, говорите, я включаю диктофон!

– Дорогой мой мозг!.. – начал я, но от этих слов Оля вздрогнула, смутилась и поспешила меня предупредить:

– Сергей Петрович, я уже вас пишу!

– Хорошо, Оля, не пугайся, я не сошел с ума!.. Дорогой мой мозг, я обращаюсь к тебе, чтобы ты думал и анализировал. При распиле черепа выпал костный фрагмент округлой формы... Перелом стал дырчатым, но таким я его сразу не обнаружил. Скос краёв сформировался по внутренней костной пластине. Уменьшение диаметра отверстия изнутри. Поэтому костный фрагмент не провалился в полость черепа. Перелом на площади соприкосновения, вероятно, равен площади ударяющего предмета, в форме окружности. Он определил периметр, границы, и диаметр окружности перелома на чешуе правой височной кости. По факту он не стал вдавленным и оскольчато-фрагментарным. Предполагаю, удар был коротким и резким. Стенка черепа треснула или лопнула по периметру круга ударяющего предмета, похожего на трубку. У предмета ограниченная поверхность соприкосновения, и он полый внутри... Оля, я закончил, отключай носителя наших тайн.

– Хорошо, Сергей Петрович, отключаю.

В кабинете, куда мы вернулись из секционного зала, я не стал обдумывать диагноз и выводы для заключения. Они представлялись мне простыми и очевидными. Но опять появился взволнованный и возбужденный следователь Сунин. Щеки у него втянулись больше, чем обычно. Они казались впалыми, как пролежни. Таким я его видел редко. Неуправляемое волнение бесконтрольно владело им.

– Сергей Петрович, ну, что скажешь по результатам вскрытия?! От чего смерть наступила?! – он говорил, как обычно развязно. – Может, болел чем!? Ведь разные случаи бывают в жизни! И молодые неожиданно умирают! Ты же мне рассказывал о братьях Кочкиных.

– Игорь Николаевич! Картина достаточно ясная... Перелом свода черепа. Кровоизлияния под оболочки головного мозга... Тяжелый ушиб головного мозга. Множественные кровоподтеки, ссадины, раны в области головы, – я говорил, не испытывая затруднений. Морфологические изменения такого рода при травме головы встречались довольно часто. Подобные травмы, сами по себе, как стереотипные, за долгие годы работы уже отложились в моей памяти.

– А умер-то он от чего?! – Сунин переспросил меня, словно и в этом случае надеясь на исключение из правил.

– Ну, здесь тоже очевидно... Его били по голове тупыми твердыми предметами, возможно, руками и ногами. Вероятно, что нанесли удар предметом округлой формы... вроде срезом трубы. Есть костный фрагмент. Медик-криминалист в Пензе скажет что-то точнее.

Сунину хватило этой информации, чтобы он понял мою непреклонную позицию.

– Ну, хорошо, Десятый! – он опять назвал меня так, как часто делал и раньше. – За эмоциональной его несдержанностью скрывалась какая-то тайна: – Дорогой доктор, судебная медицина должна честно сотрудничать со следствием. Напиши обтекаемо. Ты не можешь утверждать точно о механизме травмы... Нам пока и самим непонятно. Собираем все обстоятельства конфликта. Определяем подлинный род смерти, как собственно и причину травмы!.. Сделай мне выписку о причине смерти Гичкина и время укажи. А механизм образования повреждений не тот, что ты мне рассказывал. Он должен быть обтекаемый. Он у тебя определится позже. Я постараюсь тебе это объяснить, как и остальное, что следует из этого.

– Вообще-то у эксперта есть только один документ – заключение! Все остальные «писульки» не имеют к этому никакого отношения. Они не несут значимости документа, как юридического или правового! – говорил я Сунину прописные истины.

– Но у нас есть подозреваемый! Как мы его задержим, если не будет достаточных обоснований на его задержание, в том числе и главной причины, что он виновен в смерти потерпевшего. Я выписал постановление, где ходатайствую о мерах пресечения и ограничения его свободы. Но судья может не выдать ордер на арест.

Я начал писать выписку из своего будущего, ещё не существующего, «Заключения эксперта». Непokoйный Сунин, по прозвищу от адвоката Лехи, как «Джунгар», а у меня он, после дела по Маскаеву, проходил «Джувльбарсом», делал вид, что сохраняет спокойствие. Он выхватил «выписку» у меня чуть ли не из рук, прямо из-под печати, и выбежал с ней из кабинета.

Для Сунина и для следствия механизм образования травмы часто становился важнее самой причины смерти.

Паша Гичкин запомнился сердобчанам, кто его знал, простым человеком, добродушным работягой. Его хорошо знали соседи, и немало набралось бы людей, к кому он нанимался уже для перевозок вещей.

– Ты Пашу видела? – говорил седой мужчина, стоя на улице рядом с моргом. – Это что же они с ним сделали, ироды проклятые?! А-а, погляди на это! Сволочи, да и только!

– Да, видела, лица у него нет, не узнала бы в другой раз! Я ведь его хорошо помню, золотой человек был! Кто же эти уроды, кто его так бил!? – посетовала толстая женщина.

– У нас бабушка умерла. Но ей-то девяносто. А он молодой мужчина. Тридцать-то ему было?! – вклинилась в разговор худая женщина.

– Было, было. Я их семью знал, – вмешался четвертый горожанин. – Родители у них рано умерли. Он один сетру растил и воспитывал!

– Да сколько бы не было, любого человека жалко, – говорил уже пятый собеседник.

Подобные разговоры продолжалось целый день. Вскрытий оказалось много, была суббота, поток родственников не кончался. Каждый видел Пашу. Лицо у трупа, убитого городского перевозчика, светлело от любого доброго горожанина, кто хорошо говорил о нём, когда заходили в секционный зал. Все вспоминали и отзывались положительно.

Еще до вскрытия начала бубнить мне Валентина Александровна (по паспорту Валентина Аллахеровна, мать её была на фронте медсестрой и родила дочь от азербайджанца), лаборантка патологоанатомического отделения.

– Ой, я Пашу с детства помню. Он был мальчиком с ангельским лицом. Сидят, помню, бабушки во дворе, а кто-то возьмёт да начнёт выбивать перину, а пух и перья летели в разные стороны... Он их ловил, и всё говорил моей маме: не бойся, бабушка Тося, ни одно перо на тебя не попадёт. У него тяжёлая была судьба. Деда похоронили в Куракино – убили его, бабушку похоронили – в Карповке, а про его родителей и вспоминать страшно!..

В этот день я не дослушал её, потому что было много работы.

Не прошло и полчаса, как на пороге моего кабинета снова появился следователь Сунин. Теперь он ещё больше казался возбуждённым.

– Десятый! – так он обратился ко мне. И я подумал, неужели я попал в «десятку». Или у меня опять выпадал «номер десятый», а не «первый», сиди, мол, Сергей Петрович, и не высывайся. – Ты не описываешь очаги противоудара и ничего не говоришь о них!

– Где? В выписке, что у тебя на руках?

– Ну? А что? – удивился он, потому что получил разъяснения по столь необычному, щекотливому вопросу от кого-то сверху, от «инкогнито».

– Это описывается в протоколе судебно-медицинского исследования трупа! Я их там и описал! Можешь прочитать! А вообще-то это и есть тяжёлый ушиб головного мозга!

– Значит, они всё-таки были?! – закричал он не своим голосом, будто поймал меня на заведомо ложном толковании выводов. Теперь ему оставалось добиться не подтверждения, а признания из моих уст (ведь «прослушку» он уже включил, как делал это по делу Маскаева), что признаки падения, в виде очагов противоудара, разрушают конструкцию моих поспешных выводов.

– Да, если мы говорим о точечных и штриховых кровоизлияниях в веществе головного мозга! – уверенно подтвердил я. А Джульбарс удивился, что я легко отвечаю на вопросы, которые должны меня поставить в крайне неловкое положение. На тот момент я ещё не подписывался под статьями, какие будут в «Заключение» о смерти Гичкина, где предупреждают об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Поэтому выходило у меня сейчас, если я врал, только «неловкое положение».

– Ну, вот видишь Сергей Петрович! И я всё об одном и том же! Гичкин упал! – Сунин говорил в том контексте, подумал я, когда только что почерпнул информацию из телефонного разговора. Такую консультацию, пожалуй, дал ему сам Велиар – изворотливый Аркадий Петрович Плотников. Позволить себе, он мог по просьбе полковника Хомина. По-другому ситуация не в силах развиваться, ведь погиб человек оттого, что его жестоко избили.

Я дал Джульбарсу наш цифровой фотоаппарат, что числился за Сердобским отделением. С его помощью Оля сделала 50-ят фотографий. Даже на них картина черепно-мозговой травмы у Гичкина выглядела ужасной.

Среди служебных бумаг и документов, сложенных стопкой на столе, я вытащил учебник по судебной медицине под редакцией Кузнецова и Хохлова. Открыл переложённые закладками страницы, где описывались понятия очагов «противоудара».

Демонстративно предложил Сунину прочитать:

– Вот здесь! Читай!

Потом я перевернул несколько страниц учебника и остановил его внимание на описании очагов «противоудара».

– Не говори, что ты ничего не понял! – подытожил я.

– Знаешь, что я скажу тебе, Десятый! – начал Сунин объяснять мне, будто хотел растолковать сложности своей жизни. – Нам удалось найти и установить участников событий на этот раз сразу! И там не так, как в учебнике, совсем не так. Жизнь не бывает только черной и белой! У неё есть оттенки!

Тут я подумал, что установить всех участников конфликта, было действительно несложно. Уже с утра участковый толковал мне, что Пашу били накануне вечером.

4

Сегодня, когда я смотрю на горы Алтая, нередко вижу картину, которая завораживает мой взор. Клубы тумана поднимаются от верхушек алтайских лиственниц и от макушек лечебных кедров. Вместе с облаками они создают иллюзорную панораму сказочного мира.

Уже два года я живу здесь, но возмущённое самолюбие не притупляется, как может ставиться и тупиться стержень моего графитового карандаша, которым я заполню очень важную записку.

5

В те роковые дни, когда убили Пашу, Джунгар стал показывать мне, словно актёр драматического театра, как погибший падал. Он хотел уговорить меня, что тот непременно упал, и не могло это случиться иначе. Джульбарс широко расставил худые ноги, развёл в разные стороны длинные руки, как пакши, начал клониться назад. Но отклонился он ровно настолько, чтобы не упасть самому, продолжал при этом говорить, и умащивать меня лестью:

– Вот так, уважаемый эксперт, вот так он падал! Дорогой наш профессор! Гуру! Смотри, я же тебе показываю, как он падал!.. – настаивал Джульбарс с таким чувством убеждённости, будто сам присутствовал на месте трагедии. – Поэтому он ударился головой. Скорее, затылком! Упал навзничь! Ударился оземь! – говорил он и держался рукой за мой стол.

– Но как вы установили?! – словно не в то время и совсем не так звучал мой вопрос к следователю.

– Таксист проезжал мимо и видел, как Гичкин падал! Он и дал нам показания!

– Но он, вероятно, падал оттого, что кто-то ударил его в лицо или в голову?!

– Этого таксист как раз и не видел! Возможно, Гичкин сам упал, без посторонней помощи! Они в тот вечер с друзьями много выпили!

– Нет, вот так, как ты показал, он мог падать, если его кто-то ударил в лицо!

– Или мог его толкнуть?! Или ударить в грудь?!

– Да, но раны, ссадины и кровоподтёки у него на лице! У него могло быть падение, но после предшествующего ускорения, то есть от удара в голову. Потом он, возможно, падал. Таксист видел, что он падал назад, навзничь, то удар, скорее всего, пришёлся в область лица!

– Нет, такого таксист точно не видел!

– Если вы установили последовательность событий криминальной ситуации, у вас наверняка уже есть те люди, с кем он был и с кем они подрались!?

– Гичкин и его друзья покупали пиво. Они до этого выпивали. Не хватило – решили добавить. Как обычно и бывает. А другие у них решили пиво отобрать.

– Стой! Ты говоришь «пиво»?! У них было пиво в стеклянных пивных бутылках?! Я правильно понял?!

– Ну, вроде да. Стекланные пивные бутылки, как раньше, бутылки из-под лимонада «Буратино».

– Так вот, я теперь понял, у Гичкина я обнаружил перелом правой височной кости по диаметру равный диаметру горлышка пивной бутылки... Они выпили пиво?! Бутылки раскрыли?! То есть раскупорили или несли домой под пробками?!

– Но, не совсем домой, они до этого во дворе выпивали. Туда и шли.

– Я думаю, что одну бутылку они всё-таки раскупорили. Да, я не ошибся, это не металлическая крышка на бутылке. Ему нанесли удар горловой частью раскупоренной бутылки. В правой височной кости у него перелом округлой формы, похожий на дырчатый перелом. Он без завершения его до конца, каким я его увидел на вскрытии. Ну, знаешь, как тебе объяснить, похоже всё немного на то, когда выдавливают круглой формой тесто для пельменей или вареников. Но здесь удар резкий и короткий, а чешуя височной кости очень тонкая, и она только треснула насквозь по кругу. Костный фрагмент при распиле черепа выпал из самой стенки чешуи. Нападавший, если он правша, скорее всего, находился сзади и держал пустую бутылку в правой руке. Возможно, с недопитым пивом. У убитого были мокрые липкие волосы и сильно пахли пивом. Я думал об этом, но почему-то сразу не сообразил. Давно пить бросил и забыл запах пива... Гичкин в это время, возможно, лежал, но вниз лицом.

– Я и говорю тебе, упал! Очнулся, гипс! Он точно упал! Учти, может, не назад. Падать он мог и вперёд! Ударился головой, а падать мог как на грудь, так и на спину!

– А от меня тогда, что сейчас надо? – озадачился я, глядя на Сунина, недуром попирающего мои размышления.

– Вот ты мне выдал выписку, что у него все произошло от ударов?! А теперь нам обоим видится, что он упал!!

– Но ссадины, кровоподтёки, рвано-ушибленные раны, в том числе на губах говорят о том, что его били и, возможно, он упал после удара по голове.

– Нет, Десятый, били его или не били, это другой вопрос. Но смертельная травма и причина смерти у него образовалась от падения!

– Он не один был!? Ты об этом упоминал. Ходил за пивом он с кем-то?! – зацепился я в странном разговоре с другого конца.

– Трое их друзей! Двое его потом домой отвели!

– Отвели или отнесли?! – я неслучайно задал Джульбарсу ключевой вопрос.

– Десятый, ты, что мне мозг выносишь? «Отнесли, отвели» – какая разница?!

– Ну, тогда дай протоколы допросов его товарищей! Я включу их в свой акт для дачи заключения, – тут я встал и решил тоже изобразить, как мог Гичкин упасть. – Ведь они уже тебе рассказали, как шли назад и смеялись, вспоминая, что их избивали?! – хотел вернуть я Сунина к протоколам допроса друзей умершего. – Тогда всё должно быть иначе!

Я решил зачем-то помочь Сунину и сделать то, чего не должен и не может на моём месте любой судебный врач. Я хотел подсказать, как всё могло, и должно было выглядеть в ситуации с падением. Исходил я из его преступной лжи, чтобы повествование у следователя стало правдоподобным. Потом я опять стану ненавидеть себя за то, что пытался угодить следственному комитету. Но я мог изобразить подлинный механизм образования телесных повреждений при травме, если бы Паша падал...

– Даже, может, он шутил, или они все вместе шутили друг над другом, – продолжал я. – Двое из них действительно отделались, как ты говоришь, лёгким испугом? – Я стал насаждать свою хитрость и отчасти, как Сунин, показывать её: – Расхохотавшись, будущий покойник неожиданно упал! – я неслучайно говорил опять об этом и показывал, потому что у меня тоже оставались лёгкие сомнения. – Поскользнувшись, нет-нет, не поскользнувшись – все-таки еще не зима на дворе. Он оступился в результате ложного шага, – и я показал, как это могло быть, – и со всего маху рухнул на землю, а лучше на асфальт. Вот так... Ударился головой со всей

силою инерции падения, и истошно застонал (тут я красиво начал стонать, как говорили мне не раз, что у меня приятный баритон), и уже после этого сам идти не смог! Друзья отнесли несчастного домой! Так?! – у меня мелькнула, вероятно, в глазах тонкая ирония.

– В результате, какого шага!?! – удивился Сунин.

– Ложного!

– А ты, Док, хитрее, чем я ожидал! – он то ли испугался, то ли по другим причинам не принял моей подсказки, чтобы разделить черепно-мозговую травму на два эпизода.

Сунин чутьём подневольного цепного пса уловил, что где-то кроется лукавый подвох и скрытый смысл в моих подсказках.

– А не ты ли, Док, научил Маскаева тогда написать на меня кляузу!?! – подозрительно спросил Сунин. – Когда он отказался от явки с повинной!

– Мои встречи с Маскаевым проходили в твоём присутствии!

Теперь он понял, для чего я просил протоколы допросов очевидцев, друзей умершего. Правильнее уже было назвать их своими именами – друзьями не умершего, а убитого гражданина Гичкина. Но они могут в любое время потечь, подумал Сунин, если он их научит, о чём учил Маскаева, что говорить на предварительном следствии до судебного разбирательства.

– Хорошо, тогда напиши, как объяснял мне раньше, что он мог получить травму при падении после предшествующего ускорения!

– Падение с предшествующим ускорением?! Удар в голову, с дальнейшим падением и при ударе головой о твёрдую, поверхность соприкосновения?!

– Да, да, да... Напиши так! – удрученно согласился Сунин с моим ранее озвученным предположением. Хотя сейчас мы оба понимали, что где-то таится ложь, которую Джунгар боится больше, чем уступка, на которую он соглашался.

Но теперь у меня почти не осталось сомнений, что удар нанесён горлышком стеклянной бутылки из-под пива.

Не первый год уже я проживал в Сибири. Все, что я испытывал поначалу или по приезду сюда, во мне будто перегорело или расплавилось. Я продолжал сильно маяться, но не кричал теперь, а тихо стонал:

– Господа хорошие, вы никогда не построите демократию!

Но я вздрогнул, размышления о сибирской жизни снова перебили воспоминания трагических дней.

Ко мне в кабинет уже в третий раз там, в Поволжье, по поводу трупа Гичкина ввалился Сунин. Он не церемонился и попросил медрегистратора Олю выйти.

– Ну, Десятый, ты заставляешь меня бегать! Неужели мы не можем понять друг друга и договориться?! Мы же друзья с тобой! – он высказался таким тоном, как будто я находился у него в подчинении, и все его желания должен не исполнять, а обслуживать с полуслова, с полунамёка, а лучше, если даже стану заранее их угадывать.

Но были у меня ситуации, когда я нарушал собственные принципы в угоду исключительных обстоятельств и называл их – «святой ложью».

– Игорь Николаевич! – ввязался я снова в перепалку. – Скажи, что ты ждёшь от меня?! По-твоему, я не врач, а «решала». Как хочу, так и пишу?! – я сказал для того, чтобы дать понять ему, какую роль играют, честно и правильно собранные, материалы уголовного дела. – Давай мне уголовное дело и полный расклад обстоятельств!!

– Десятый! – он говорил теперь, словно приказывал и умолял: – Он упал! Никакого избивения не было!.. И нам надо, чтобы так звучало и в заключение! – заявил Сунин, теперь уже не стесняясь откровенного натиска, словно угрожая, столкнуть меня в пропасть, если я не испол-

нению его неприкрытой лжи. Он перестал скрывать всего того жульничества, как искажения истины, чтобы кончить выражаться передо мною неопределёнными словами. Вот так всё стало на свои места.

– Кроме последних записей или так называемой выписки, я ничего другого предложить не могу. Эта запись тебе для формальных оснований – задержать подозреваемых участников избиения. Они виновны. Виновны все, кто бил его по голове! – говорил я и понимал, что никак не вписываюсь в стратегию следственного комитета.

– Тогда не отдавай труп родственникам!! Мы созвонились с Пензой, с Плотниковым, с твоим начальником. От него сейчас придет эксперт более опытный!

– Тогда звонили бы в Москву, там ещё опытнее! – не удержался я и опять полез на рожон. Так искал хлопот и приключений на свою задницу, о чём не раз уже жалел раньше.

– Надо будет, и в Москву позвоним! – грубо ответил осмелевший пройдоха.

6

Ситуация вокруг смерти Гичкина складывалась необычно. Но такая история происходила со мной не в первый раз. Помню, что-то подобное случилось, когда я только начинал ещё работать...

– Сергей Петрович, – вкрадчиво говорила, сидевшая в этом же кабинете, каким он был у меня и четверть века назад, толстая и безобразная Нинка Бухтеева. Ее в городе знали многие с негативной стороны. – Вы должны понять меня! Вы должны войти в наше положение! – продолжила она свою речь. – Моему мужу осталось год до пенсии. Он у меня служит в вертолётной части. Всю жизнь прослужил и отдал свое здоровье Родине и армии. Всё здоровье оставил у них. Ну, а тут бабушка прожила долгую жизнь. Она уже мёртвая была, когда он на неё наехал!

В этот момент медицинский регистратор, Лидия Ивановна, старушонка, «божий одуванчик», кто работал у меня, зашевелилась. Она решила по-тихому выскользнуть из кабинета, как говорят, слинять.

– Лидия Ивановна?! – остановил я её. – У меня секретов на работе от вас нет. Сядьте и слушайте! – И я снова переключился на Нинку: – Нет-нет, вы не о том говорите. Все телесные повреждения у погибшей – прижизненные.

– Но она могла умереть и от возраста. Она уже старая. Пожила своё! Ей ли гневить Бога!? 80 лет!! Нам никогда не дожить до этих лет при нашей экологии! Всё кругом отравлено! – вновь Нинка толкала меня в авантюру.

– Могла. Но умерла от автомобильной травмы. А переломанные кости даже через сто лет, если её эксгумируют, будут указывать, что они прижизненные. Смерть наступила от кровопотери и от шока! – так я хотел дать понять собеседнице, что скрыть такое невозможно, если даже захотеть.

– Через сто лет увидеть переломы прижизненные или посмертные?! Вы шутите?! – проявляла свою осведомлённость Нинка. – У меня большие связи! Я могла бы вам помочь, например, достать и оплатить немецкую стенку! Надо будет, я её завтра привезу!

– Дело в том, что он сначала сбил её, поэтому они прижизненные, а потом переехал. Это чётко и ясно определяется по характеру переломов. А стенку мне уже тёща купила. А как вы хотите помочь мне, когда меня станут судить за дачу заведомо ложного заключения!

– Я многое могу!

– А совесть, куда мне, прикажите, деть?! Как мне смотреть в глаза её детям и внукам?! Жить в городе и отворачиваться!?

– Я решу и с ними этот вопрос!

– Уважаемая Нина Александровна! Не всё можно купить и продать! Не торгуйтесь дальше со мной! – я сказал ей уже так, когда она поняла, что продолжать уговаривать меня, не имело смысла.

– Как знать! Не ошибитесь! Когда принимаете чью-то сторону! – выдавила она слова со скрытым, смыслом. Она вела себя по отношению ко мне, как барыня с холопом. И тут же направилась к выходу. Ничего нового в её поведении не прибавилось и не убавилось. Такой я её знал давно, какой знают пройдоху жители Сердобска.

– Мне хотелось бы в любом случае быть на стороне закона! – ответил я.

Пройдет совсем немного времени, как Нинка соблазняла меня мебельной стенкой, появился, словно вырос у меня в кабинете, огромный инспектор ГАИ – капитан Бузин. Он был большим, высоким русским мужиком с прямыми ровными чертами лица. Такой станет вся его жизнь – прямая и бесхитростная. Инспектор ездил на убогом советском «Москвиче 412» и рулит на нём по сегодняшний день. Чаще называли капитана – просто «Василич». Только один он в городе оставался настоящим честным инспектором. Но сейчас со мной он испытывал некоторую неловкость.

– Сергей Петрович, из-за принципа зашёл. Поинтересоваться хотел, отчего умерла Фейгина!? – спросил меня Василич.

О той трагической истории, что произошла с майором Бухтеевым, как он буксовал на трупе лысыми шинами, я уже много узнал. Он в недоумении вышел из машины и обошёл её вокруг. Майор не стал глушить двигатель. И увидел несчастную жертву, лежавшую на спине под тяжестью вибрирующего заведённого транспортного средства, под колёсами его «Жигулей».

– Ты же, наверное, помнишь тот случай, что произошёл с бабушкой Фейгиной?! Её майор вертолётной части на машине сбил.

– Да, конечно, там наезд был! – сказал я уверенно, потому что запомнил этот случай. И запомнил не из-за того, что он мог оказаться уникальным, а из-за того, что одолевала меня жена горе-водителя – сама Нинка Бухтеева.

– Не только наезд, он наехал на неё и буксовал, пока не понял, что сбил человека, когда сдавал машину назад! – горячился и по-детски краснел Василич.

– Да, хорошо помню, у неё множественные переломы рёбер, перелом костей таза и нижних конечностей. И какая-то рука там, то ли левая, то ли правая, тоже сломана. Множественные разрывы внутренних органов. У неё травматический шок тяжёлой степени и обильная кровопотеря.

– Но по моим данным, умерла она не от травмы, а от сердца! Это дело ведёт военная прокуратура. В Пензе. Он офицер советской армии. Они закрыли дело. Я не видел медицинского заключения, но прохожу в деле, как инспектор, кто выезжал на место происшествия! – с болью в голосе сказал Василич. Сам он сейчас испытывал чувство стыда и неудобства, оказавшись невольным замешанным в этом деле. Василич становился теперь, как он думал, тоже соучастником фальсификации и подлога.

– Я не знаю, я не врач! Не могу утверждать, от чего она умерла. Но там соседи были свидетелями происшествия. Она была жива и здорова, пока её не переехал автомобиль! – он сказал мне сейчас так, что это могло звучать для меня ужасным упреком, как для эксперта, участвующим в криминальных играх.

– Подождите, Владимир Васильевич, подождите! Я же выписал родственникам свидетельство о смерти, она умерла от дорожно-транспортной травмы, а вы меня упрекаете в чём-то другом?! Почему??

– Но в деле в военной прокуратуре, она умерла не от травмы! – продолжал настаивать дотошный инспектор. Хотя он уже несколько смягчил свой пыл. Он понимал, что ведёт не допрос, а всего лишь у нас с ним – дружеская беседа.

– Лидия Ивановна?!.. – обратился я к фельдшеру-лаборантке, на то время уже пенсионерке. Лицо у нее выказывало больше страха и подобострастия, нежели практичной и серьезной деловитости. – Найдите мне копию заключения на ту самую бабушку, что сбил майор. Или, – я перевёл взгляд на Василича, – это даже не копия, а второй экземпляр. Он будет храниться у нас в архиве 75-ть лет, – и я протянул «Заключение» инспектору ГАИ Бузину, что подала мне лаборантка. Скрывать мне было нечего и незачем, и я вёл себя предельно естественно. Тот стал перелистывать страницы текста и читать выводы эксперта. И уже более дружелюбно снова обратился ко мне:

– Сергей Петрович, и такое же заключение вы отдали в военную прокуратуру?! – возвращая мне второй экземпляр, он продолжал что-то недопонимать и сомневаться, какое заключение я мог ему показать. Вероятно, думал, а не существует ли другого акта или заключения с иными выводами.

– Лидия Ивановна, посмотрите, кто у нас забирал заключение на Фейгину?! – я спросил своего «божьего одуванчика», бабушку, имевшую на то время уже несколько внуков.

Она долго и неуклюже копошилась с журналом для регистрации трупов. Её медлительность становилась заметной и бросалась в глаза. Помощница не меньше других осознавала и стеснялась своей предательской нерасторопности, которая появилась от возраста.

– Лидия Ивановна!? Дайте мне журнал! – вспыхнул я и прикрикнул на неё. Мне становилось неловко перед капитаном, словно у нас в морге произошел заговор. Сам я легко по номеру заключения открыл нужную страницу и показал Василичу подпись получателя.

– Это Вовка Пенкин!? Его подпись! – назвал он фамилию молодого коллеги и сослуживца. Тот, через много лет, станет начальником ГАИ. – А почему он-то забрал?!.. А-а!.. Я же вспомнил: нам звонила Пензенская военная прокуратура и просила привезти заключение! Ладно, извини, Сергей Петрович! Я поинтересуюсь у наших ребят, куда подевалось твоё, вот это, – он показал на то, что я давал ему читать, – заключение! Найдём, – и Бузин после этих слов ушёл, но оставил тяжёлый шлейф сомнения, как лёгкое недоверие ко мне.

Инспектор Бузин, человек с большим опытом работы, целый капитан милиции (в этом звании Василич ходил уже лет 15-ть), знал, что водитель, сдающий назад, всегда становился виноватым. В такой ситуации оказался майор Бухтеев. Но он продолжал служить в вертолётной части советской армии после явного уголовного преступления. А должен был ответить за содеянное правонарушение в суде. При встречах, майор сигнализировал капитану Бузину и махал рукой. А на месте происшествия вместе с женой до слёз уговаривали Василича написать протокол, чтобы виновной оказалась сама бабушка. Но уговорить и подкупить настырного капитана, они не смогли. Теперь, проезжая мимо инспектора, майор Бухтеев сигнализировал капитану, ухмылялся и кричал:

– Ну, что, Василич, съел?! Так и проходишь капитаном всю жизнь!

А обескураженный инспектор в спорах и скандалах не сумел тогда провести даже освидетельствование Бухтеева на алкогольное опьянение. Освидетельствование командование части провело у себя через военных врачей, как и тем офицерам, кого выпускают каждый день на полёты. Командир части наотрез отказал требованиям ГАИ, чтобы обследовать Бухтеева в городском наркологическом отделении.

Когда Василич ушёл, я с трудом перенёс известие о причине смерти Фейгиной. С его слов, она умерла от «сердца». Мне пришлось тогда задуматься.

На следующий день я выехал в областное бюро судмедэкспертизы. В то время возглавлял его не Пупок, – как бессовестный Велиар и носитель вонючего запаха, – а Попов. Пупку тогда было всего лишь 15-ть лет.

– Заходи, Сергей Петрович! – сказал Попов, когда я засветился на пороге его кабинета. Я рассказал ему о своих опасениях по трупу бабушки Фейгиной. Решил оставить у него все доку-

менты, которые чётко и однозначно свидетельствовали о насильственной её смерти в результате ДТП.

– Хорошо, Сергей Петрович, – дружелюбно поддержал начальник областного бюро мои шаги и ненапрасные опасения! Он в то время занимал честную позицию по схожим вопросам. Попов легко взялся сохранить мои документы, пока история с ГАИ до конца не разрешится. Но я не удержался, как не спросить с него расписку о гарантиях сохранности этих документов:

– Анатолий Александрович, а не могли бы вы мне дать взамен расписку, что документы строгой отчётности я оставил у вас?! – я с трудом говорил такие слова, чувствовал моральное неудобство и стеснение. Я ставил словно под сомнение честь и достоинство своего начальника.

– Конечно Сергей Петрович, я напишу вам расписку, и все документы уберу в сейф: и журнал, и протокол и корешок свидетельства о смерти. Можете не сомневаться, я их сохраню!

Он напишет так называемый гарантийный документ, и случайно пододвинет его ко мне, как расписку, которую я обозначил «гарантийным документом». Я её быстро намеревался забрать, считая полноценным «продуктом», но он остановил меня командным окриком:

– Подожди! Я поставлю печать! Областной экспертизы! Нашу! Гербовую! – и поставил.

Однако наступит позорное время его ухода на пенсию, и он приведет на своё место – Велиара, Аркашу Плотникова. В партии коммунистов состоять перестанет. Выйдет из неё под гнѐтом руководства министерства здравоохранения.

Минует всего несколько дней, как посетил мой кабинет, по поводу погибшей бабушки, инспектор ГАИ Бузин, после этого меня пригласят в военную прокуратуру.

В кабинете прокурора Пензенского военного гарнизона встретил меня, а правильное написать – победно ожидал невысокий, плотный, коротко стриженный, брюнет в погонах полковника.

– Присаживайтесь, Сергей Петрович! – пригласил он меня к служебному столу после того, как я представился. Он обращался ко мне по имени отчеству, хотя мне не исполнилось тогда и 30-ти лет (оставалось несколько дней). – Присаживайтесь, присаживайтесь... Разговор у нас длинный и вот о чём: вы же лично вскрывали труп Фейгиной Прасковьи Васильевны?!.. – тут он задержал движение своей мысли, как задерживают дыхание при погружении в водоём без акваланга, и остановил продолжение основного вопроса.

– Да! – ответил я.

– А как вы так быстро вспомнили?! Вы много уже вскрыли?! Или всего одну, но какую!?!.. – удивился он, и тут уже выпустил свой сарказм. Здесь ему было чему удивиться. – Такое знание информации, в вашем случае, из разряда казуистики – чтобы эксперт помнил фамилии исследуемых трупов и свидетельствуемых живых лиц.

– Я догадывался, зачем вы меня пригласили! Поэтому обновил свою память из архива. У нас не так часто нарушителями закона становятся офицеры советской армии. Многие из них лётчики высокого класса и легко управляют автомобилем. Наша часть учебная. Учить летать других могут только профессионалы высокого класса! – я отвечал ему именно так, чтобы не упоминать о разговоре с Бузиным. Но уже догадывался, что капитан ГАИ ближе всех оказался к таинственной истории.

– А в каком состоянии находилась Прасковья Васильевна в момент своей смерти?! Я имею в виду: принимала ли она алкоголь в завышенных дозах?! Ведь ни для кого не секрет, что в Сердобске большой процент людей злоупотребляющих алкоголем! Рядом с вами легендарное село Куракино, и сохранился тот спирт-завод, что строил и создавал князь Куракин!

– Да, и разбогател на этом так, что его стали называть «бриллиантовым князем». У него пуговицы на мундире были бриллиантовые.

– Да-да, и я о том же!.. Иногда можно вскрыть один труп и запомнить его на всю оставшуюся жизнь! Потому и князь был бриллиантовым...

Я понял, куда гнул прокурор и ещё при этом ёрничал.

Но мы с Лидией Ивановной отправили кровь и мочу от трупа Фейгиной в лабораторию областного бюро судебно-медицинской экспертизы. Не прошло и двух дней, мне позвонила заведующая отделением, Сестерова Вера Ивановна. Она озвучила свои претензии:

– Сергей Петрович!?! – слишком спокойно звучал голос Сестеровой (и только через много лет я буду знать, как они с Велиаром делали трезвыми водителей, виновных в ДТП, и пьяными – безвинно погибших участников аварии). Вероятно, она была такой спокойной, потому что я мало ещё проработал экспертом, и вряд ли, по её мнению, согласился бы на подобный «эксперимент». – ...Мы не смогли дать заключение по Фейгиной. У нее алкоголь в присланной вами крови зашкаливает все разумные пределы. У живого человека не может столько алкоголя оказаться. Ваша Фейгина, несколько раз уже умерла бы от него, прежде чем алкоголь накопился бы в организме в такой концентрации! Мало того, от содержимого в пузырьке, где обозначена кровь, исходит резкий запах настойки пустырника...

Я знал, что настойка пустырника содержит 70% этилового спирта (этанола).

– Лидия Ивановна! Что происходит?! – обратился я со злым упреком к фельдшеру-лаборантке. Пересказал ей разговор с Сестеровой. Хотя Лидию Ивановну, нерасторопную помощницу, в той истории я подозревал меньше всего. А если и подозревал, то только в том, что она могла знать и слышать о подлоге раньше меня. Но почему промолчала, а я, как безусый юнец (хотя усы в те годы я уже носил, до бороды оставалось ещё несколько лет) попал впросак или как кур в ошип.

– Сергей Петрович, ко мне это не имеет никакого отношения! – начал оправдываться мой «божий одуванчик».

Но я ей верил и даже жалел потом, что некорректно спросил о подлоге, к чему она действительно не имела никакого отношения.

– Только Чичикова вместе с Гурой могли такое сделать! – продолжала она. – Они ведь тогда целую неделю пили, и гуляли после вскрытия Фейгиной. Дорогой коньяк. Копчёная колбаса. А Валентина Аллахеровна хвалилась мне большим отрезом из хорошей ткани – крепдешина. Вроде как достала по знакомству. А ведь вся история с дарами не обошлась без Нинки Бухтеевой!

– Да уж... Бойся данайцев, дары приносящих! – задумчиво сказал я.

– Вы о чём!? – чуть не плача, переспрашивала она.

В кабинете полковника военной прокуратуры финтить я не стал, как всё случилось, так и поведал ему.

– Да, товарищ полковник, мы не смогли объективно установить у неё наличие или отсутствия алкоголя в крови. Кто-то в кровь добавил настойку пустырника!

– А разве вы не несёте ответственность за чистоту и сохранность биологического материала, за его забор и транспортировку?! Это можно расценивать, как дачу заведомо ложного заключения, а это срок! Но я могу не акцентировать на этом внимания! И мы сможем договориться!

– Вы вправе меня упрекнуть. Но никакое опьянение в этом случае ДТП не имеет значения! К примеру, если водитель автомобиля заедет на тротуар и задавит пешехода. А пешеход по результатам экспертизы окажется пьяным. Так что тогда, водитель освобождается от уголовной ответственности?! А тут Бухтеев сдавал назад и обязан был убедиться, что никого не собьёт!

– Ну, как посмотреть. Осень. Светает поздно. Было ещё темно, так как раннее утро. Пешеход пьяный лежал. Водитель не смог его увидеть.

– Это не освобождает водителя, сдающего назад, от уголовной ответственности!.. Но Фейгина была жива и стояла, а не лежала. Был удар, и её сбили, образовался «бампер-перелом». Потом её переехали. А для сдающего назад... – я хотел продолжить об особенностях маневра и ответственности водителя при сдаче автомобиля назад... Но полковник меня перебил:

– Вы что, чародей или ясновидящий? Всё видите по одному вскрытию!?

– У нас маленький город. О случившемся знают многие! В том числе капитан Бузин – инспектор ГАИ! – у меня не хватило терпения, чтобы не вспомнить о нём в этот момент. Но по дальнейшим словам военного прокурора, я понял, что Бузин действительно разворошил навозную кучу.

– Не надо мне говорить о придурках! Он жалкий писака! Жалобщик! Не смог освидетельствовать водителя и писал во все инстанции. Как будто не знает, что офицер советской армии в юрисдикции военной прокуратуры. У нас есть дознаватели в каждой воинской части. Военные врачи освидетельствуют лётчиков перед каждым вылетом. Ну, впрочем, ладно, сейчас не в этом суть!.. Отчего всё-таки умерла Фейгина?! Она могла быть мёртвой ещё до того, как её переехали!

– Умерла она от сочетанной травмы головы, груди, живота и конечностей! – произнёс я стандартную фразу.

Я нередко говорил так в судах о пострадавших в ДТП (в дорожно-транспортных происшествиях). Тут увидел странное разочарование на лице полковника. Он внешне изменился, и поднял трубку стационарного телефона. Сотовых телефонов у нас не было. Вероятно, их не существовало в нашей стране. Он коротко скомандовал какому-то лицу, известному только ему:

– Зайди! – и замер в ожидании. Словно тот человек, к кому он обращался, знал что-то больше и находился рядом «наготове», и как будто имел на руках неопровержимые улики, как доказательства моей лжи. Они надеялись, как я пойму позже, огорошить меня и превратить моё испуганное состояние в неопровержимую улику лжесвидетельства!

Появился молодой лейтенант, щуплый по внешнему виду. Но по походке и движениям казался довольно прытким и юрким. И все равно был он какой-то безликий и безвольный. «Нет, – подумал я, – Нинка такому стенку не повезет, рулит здесь всем только полковник! Он самый главный и поэтому всеми заправляет!»

– Ты с этим человеком встречался?! Это тот человек?! Эксперт Рондов?! Из Сердобска?! Ты ведь к нему ездил и привёз мне протокол его допроса?! Я пока не просил его показать свою подпись...

Лейтенант хотел согласиться и подтвердить, что он встречался со мной, но потом засомневался, и внимательно пригляделся на мой боевой орден. Он понимал сейчас историю про «подпись» больше, чем я. Перед ним всплыла картина прошлого, и теперь он осознавал настоящее и боялся представить своё будущее. Долго не отвечал, потом подозрительно промямлил:

– Не-е-е-т! Я не с ним встречался! Был другой человек, который назвался экспертом Рондовым. Тот меньше ростом и с длинными волосами. Какой-то... патлатый...

У меня сверкнула, как молния, в голове мысль, кто мог оказаться подставным экспертом, самозванцем, по просьбе Нинки Бухтеевой. Но как удалось всё это проверить недалёкой по уму, как думал я о ней раньше, обычной торговке, потом долго размышлял и удивлялся сам.

Полковник заёрзал на стуле. Ситуация сложилась глупой и неоднозначной по предмету полемики. Он вцепился в меня своим тяжёлым взглядом и продолжал держать под прицелом, словно под флюидами, из глубокой подкорковой субстанции легковесного мозга офицера.

«Ай, да Вася, ай, да сукин сын, хоть и недалёкий по уму врач из Астрахани! Но как провёл дураков! Bravo, Васёк!» – возмутился я и одновременно смеялся сейчас про себя над этими придурками.

– Свободен! – и после этих слов полковника, лейтенант вышел. – Сергей Петрович, что-то мне подсказывает, в этой истории, вы играли не последнюю роль. То есть, я думаю, вы не последняя скрипка в оркестре!? Или вы и есть та настоящая скрипка!?

– Нет, это только ваша фантазия и ваши догадки! Но хотите, я угадаю, о чём вы думаете больше, чем говорите?! – решил я дать волю своему «дедуктивному» методу мышления. Хотя в то время я огрызался с ним напрасно – и терял на убожество в форме полковника своё драгоценное время. Полковник удивился, что я так смело и самоуверенно начал говорить с ним. Но ещё больше мучил его и настораживал мой орден Красной Звезды, полученный при выполнении особого задания партии и правительства. Сегодня специально я прикрутил его на гражданский пиджак.

– Сейчас вы думаете о том, что я позарился на стенку от Бухтеевой, и написал нужное для неё заключение. А когда запахло жареным, неожиданно и для вас оно тоже запахло, я решил прыгнуть на ходу поезда! А машинист этого поезда – вы!

– А что здесь не так, Сергей Петрович?! Или вы и тут подготовили грамотный отход!? Если «жареное» исключить, у меня язва, что здесь не стыкуется?! Поясните! – говорил он и не мог понять, как я быстро избавился от вбитой в меня строгой военной субординации, жёсткой уставной дисциплины, а значит безропотного послушания старшему по званию. Совсем недавно я был капитаном, и сейчас, отдавал бы ему честь, если бы продолжал служить.

– Я изначально выписал родственникам свидетельство о смерти, что бабушка погибла в результате ДТП. У неё травма, а не сердечный приступ. Чуете разницу?! А если бы я хотел соврать, то врал бы сразу! А стенку Бухтеева могла отвезти уже вам!

– Не забываетесь, эксперт!! – тут он заорал, и его лицо налилось багровой краской от зла и ненависти.

– Как бы вам сейчас хотелось посадить меня на «губу»! Правда, товарищ полковник?!

– Перестаньте ёрничать!! – опять заорал полковник и процедил сквозь зубы: – Я вас больше не задерживаю!

7

Дома меня ждал новый и удивительный сюрприз. Он оказался тоже от военной прокуратуры или от следователя Пензенского гарнизона. Фамилию его и военного прокурора я так и не запомнил, как тогда, так и не помню сейчас.

Они с безумной одержимостью возбудили против меня уголовное дело в покушении на получение взятки, той самой стенки, которую, как выяснилось потом, не одному мне предлагала Нинка Бухтеева. И кому-то её устроила, раз майор Бухтеев дослужится до военной пенсии. Но очень скоро после этого покинет белый свет от запоя с небольшой разницей по времени с сыном, таким же алкоголиком. Тот тоже покинет наш мир от длительного загула после похорон отца.

Но Нинка уже никогда не расстанется с глупыми, непомерными амбициями и дальше на протяжении оставшейся жизни. Она будет всеми силами рваться и пробиваться на должность в городскую администрацию и тянуть за собой безобразную в своих формах, как и она сама, толстую и неумную дочь. После окончания той дурой юридической академии на коммерческой основе, она оплатит и купит ей диплом. Начнет протискивать её на должность федерального судьи. В крайнем случае, как считала она, пусть неумная дочь станет хотя бы мировым судьёй.

Наверное, из-за такого частого формирования судейского корпуса в нашей провинции, губернатора Пензы Чернореченцева будет судить уже Москва. Московский прокурор запросит ему 13-ть лет лишения свободы.

Нинка же в то далёкое время уверяла и объясняла многим, что ставить и избирать мэром или главой администрации нужно только её или таких кандидатов, как она. В очередной раз, выплясывала польку-дристушку перед бандитом Кеней. Искала в нём покровителя и вплетала ему в уши позорную чушь:

– Надо избирать мэрами таких людей, как я! Я же не буду воровать, как другие, у меня все есть! Вы-то согласны с этим, Александр Павлович!?

Но даже бандит Кеня, за плечами которого осталась не одна загубленная человеческая жизнь, и их тела лежат и гниют в сырой земле Сердрбска, нашелся что ответить:

– У тебя всё это есть, потому что ты уже наворовалась?!

Уголовное дело, которое возбудила военная прокуратура в отношении меня, передали следователю Сердобской прокуратуры – Ганину Валентину Викторовичу. Он в то время выглядел высоким, красивым, молодым, брутальным мужчиной. Был Ганин брюнетом, как и полковник в военной прокуратуре. Но в отличие от него, Валентин оставался с голубыми глазами, с пышными усами и с густой, от плотного роста волос, щетиной в области щёк и подбородка. От этого ему приходилось бриться по два раза на день.

Перед работой он каждое утро заходил к прокурору и выносил мусорное ведро из квартиры, чтобы жена, с накрашенными ногтями, не испытывала бытовых трудностей. Так он продвинется до должности заместителя, имея при этом у себя цепкий и неординарный ум.

– Сергей Петрович, – начал Ганин разговор, появившись в моем кабинете, – у меня в руках заключение по Фейгиной. Я получил его из военной прокуратуры. Хотелось бы, чтобы ты его посмотрел. – В отношениях со мной он был прост, по возрасту старше меня, и обращался ко мне на «ты». – Что ты можешь пояснить по нему?! И давал ли ты такое заключение?!

Перелистывая представленные страницы с текстом, я «наслаждался» убожеством придурка, который изготовил примитивную фальшивку. Он выставил в «Заключение» судебно-медицинский диагноз – «хроническая ишемическая болезнь сердца» и непосредственная причина смерти: «острая коронарная недостаточность». То есть умерла, пострадавшая в ДТП, Фейгина от сердца!

– Сколько он за это с Нинки взял?! – спросил я Ганина.

– Мы пока не знаем, кто это. Наравне с этим неизвестным, мы подозреваем и тебя!

– Заключение сделано слишком примитивно. Я бы оставил все телесные повреждения и обосновал бы их посмертное происхождение!

– Посмотрим. Давай не будем торопиться!

В протоколе на всех страницах бросилось в глаза, где моя подпись, что она не принадлежала мне.

– Ну, здесь же очевидно, что подпись не моя. Так пишет любой человек, когда хочет расшифровать свои замысловатые закорючки. Написано женской рукой, вместо подписи просто фамилия «Рондов». Красивым женским почерком.

– Сергей Петрович, мы видим и понимаем, что подпись не твоя и даже не хотим проводить почерковедческую экспертизу. А печать?! Печать, что стоит в этом акте, вашего отделения или нет?!

Печать, что стояла в заключении рядом с фамилией «Рондов», выглядела очень схожей. Будто она была один в один с настоящей печатью. И мне казалось, что печати не имели никаких различий.

– Нам нужно провести очную ставку, – продолжал говорить Ганин. – Бухтеева утверждает, что это заключение дал ты ей! Понимаешь!? – Валентин вел со мной разговор уважительно или наоборот, он ловил меня на свой крючок.

– Но у нас получил и расписался за заключение инспектор ГАИ Менкин! Допросите его... – искал я для себя алиби.

– Да, мы уже его допросили, и он говорит, что отдал заключение Бухтеевой. Та обещала сама отвезти акт в военную прокуратуру. Её тоже допросили. Она утверждает, что зашла к тебе и попросила дать другое заключение. Ты, с ее слов, дал новое, перепечатанное заключение, а подписывать не стал. Сказал, чтобы она подписала сама.

– Тебе не кажется, что это звучит по-детски?!

– Тем не менее, нам необходимо провести очную ставку между вами.

8

Я при Ганине поставил рабочую печать на чистый лист бумаги и пододвинул на столе к той печати, что была в заключение, которое принёс следователь. Направил на них свет настольной лампы.

– Они, что, одинаковые? – спросил я Ганина.

– Как видишь! – ухмыльнулся он. – Найдёшь различия, скажи!

Сравнил я их наглядно и различий не находил (неужели печать поставила Лидия Ивановна – подумал я).

Та забеспокоилась, что я могу заподозрить ее из-за доступа к нашим служебным атрибутам, и что она поставила печать на фальшивый акт. Когда мы остались наедине, без Ганина, старушка тихо заговорила, но постоянно оглядывалась на входную дверь:

– Так это он, Василий Алексеевич, только он мог такое придумать, – говорила она испуганно о враче-патологоанатоме. – Он часто оставался за Тамару Васильевну, – она назвала имя предыдущего передо мной судебного врача, которую я сменил. – У него доступ был до вас ко всем печатям. Он на время отпусков заменял ее. У нас печати не раз уже менялись. Тамара Васильевна собиралась на пенсию, ей исполнилось на то время 69-ть лет. Она ничего не помнила и всё забывала. Такая же печать была до этой печати, когда ее обновляли. Она ее не сдала в бюро. Тамара Васильевна отодрала резинку с рисунком печати от деревянной ручки. А новую резинку с рисунком печати на то же место приклеила. Старую могла забыть в столе, в верхнем ящике.

– А не мог он просто изготовить такую же печать?! – спросил я и задумался о сложных и хитрых ходах патологоанатома.

– Мог, если и не сам, разве мало у нас в городе таких умельцев?!

9

Очная ставка с Бухтеевой проходила в старом здании городской прокуратуры. Кабинет у Валентина Викторовича размещался сразу на входе, справа.

Михеева раньше меня оказалась у следователя.

Но неожиданно, помимо моей воли, всплыли другие события из прошлого. Они были у всех на слуху, из многолетней истории нашего Сердобска и о семье Нинки Бухтеевой.

Вспомнил я о том, как долгие годы у нас стоял учебный вертолетный полк. Служил в нём уже известный сегодня певец Маршал.

Бухтеева дала в прокуратуре показания, что просила меня пойти ей на встречу и не губить жизнь и судьбу её мужу.

Но муж её не хотел бы сейчас вспоминать, как загубил души двух невинных курсантов и инструктора, троих красивых и молодых парней. Случилось это много лет назад, когда он пил больше, чем сейчас, и порой не помнил себя. Но молодой организм быстро трезвел и восстанавливал силы.

Давно уже разорили нашу учебную вертолетную часть.

Но тогда, ещё до развала, Бухтеев и стал задира́ть двух курсантов, стажеров-выпускников, без пяти минут лейтенантов. Он решил поглумиться над ними. Они неправильно, дескать, отдавали ему воинскую честь, не козыряли демонстративно подчеркнуто и подобострастно. Он заставил их отойти за десять шагов и потребовал, чтобы они прошли парадным шагом. Курсанты должны были высоко поднимать ногу и сильно вытягивать носок черных ботинок, не хуже балерины, когда она тянет пуанты. И так же солдаты почётного караула тянут подошвы хромовых сапог у Мавзолея Ленина.

– Нет, сынки, вы еще не летчики, чтобы дурачить меня, старого волка! – липкими, искусанными губами Бухтеев доставал за живое курсантов. – Это, вам не бабушку лохматить! Вы снова должны пройти с песней строевой! И как положено!

И они прошли и спели:

А ты не летчик,

Ты – алкоголик!

Ты не налетчик—

Ты жалкий кролик.

А я была бы рада,

Любить пилота лётного отряда...

Этими курсантами, кого задира́л Бухтеев, оказались Витька Мелехов и Санька Незванов. Но они решили постоять за себя, в авиации это было не в новинку: летчики всегда знали себе цену. Но у капитана пьяное животное лезло наружу, он страдал невыносимым эгоизмом. В нем кипела всё ещё страшная злость и обида на весь мир, что бравого лётчика отстранили от лётной работы. Списали его психиатры в обслуживающий персонал аэродрома из-за частых пьянок, когда у него уже тряслись руки. Хотя одна история из прошлого, чуть не закончилась для него уже военным трибуналом.

Тогда по всем законам военного времени, при нахождении в боевой обстановке, обвинили его в трусости и предательстве. Он бросил второго пилота в Афгане, где они пытались покинуть поле боя, а до этого вынужденно приземлились там. Но второй пилот после всех драматических событий спасётся, останется жив, и всю вину, за неправильно избранную тактику во время боя, возьмет на себя. Он выручит Бухтея и уберёжет от трибунала. Они дружили до последних драматических событий. Но Колька, в отличие от Бухтея (такое прозвище было у Бухтеева), летал, продолжал оставаться инструктором и мастером по обучению курсантов. Он числился пилотом высшего класса не только на бумаге, но и был им на самом деле. Сделал его таким, чего Николай не скрывал и сам, не кто иной, как боевой капитан Бухтеев.

Но курсанты Мелехов и Незванов терпеть долго издевательства капитана не смогли. Им было не до него – они спешили на свидание с сердобскими девчонками. Связали пьяницу поясными ремнями. Обездвижили его руки, ноги, и засунули в рот форменный офицерский галстук, чтобы он не орал. Положили в кусты акации и предупредили:

– До утра, вернёмся, развяжем.

Поэтому Бухтеев начал учить инструктора, Лёвкина Колю:

– Иваныч, ты посмотри там, что-то салабоны буреть начали! Проведи с ними настоящую подготовку! Жёстко проведи! Как нас, помнишь, учили?! Проверь, мужики они или бабы?! На выключенных двигателях. На заглушенных. Как по программе положено! Проверь их! – и он налил другу в своем кабинете, где у них состоялся этот разговор, стакан чистого спирта. Коля выпил, хотя ему сегодня нужно было вылетать, но предполетный медицинский осмотр он уже прошел. А Бухтеев ему еще и таблетку кинул в стакан, ту, что успокаивает нервы.

– Это они тебя с галстуком во рту оставили?! – спросил Коля, когда выдохнул тяжёлый воздух после выпитого спирта из наполненного до краёв граненого стакана. – Если бы я тогда тебя не увидел первым, позора и насмешек не миновать было!

– Ладно, ладно, сам понимаю! Сопливые они еще, чтобы жизни меня учить.

– Прощупаю их героизм, ты не сомневайся, Бухтей! – так могли называть его некоторые приближенные товарищи по службе, кто чаще всего распивал с ним спиртные напитки.

Оба курсанта были высокими и худыми парнями, со светлыми русыми волосами, похожими между собой, как близнецы-братья.

Все полетные задания и упражнения они проводили с инструктором – капитаном Лёвкиным Николаем Ивановичем (с тем самым простоватым и доверчивым Колей). Занятия шли в обычном режиме. Курсанты уже легко поднимали боевую машину в воздух, уверенно её сажали, иногда очень жестко, и разбивали шасси у вертолета. Потом их даже чинили сами. Совсем недавно посадили вертолет на одном работающем двигателе, и капитан Левкин хвалил за слаженные действия, за уверенность и смелость. И убеждал их:

– Из вас обоих получатся хорошие пилоты. Разрешаю вам сейчас называть меня «Дядей Колей». Когда посадите машину на обоих выключенных, разрешу «Колей» звать! – такой у него был сложившейся «обряд посвящения» и поощрения для всех курсантов. Он выпустил не одного уже лётчика и отправил их в войска и в горячие точки. Кто-то из них погиб, а кто-то стал при жизни Героем Советского Союза. – Двух я потерял!.. Хорошо летали!.. Обряд у меня посвящения такой! Они меня тоже «Колей» называли!

Курсанты Мелехов и Незванов уже и с парашютом могли покинуть вертолет. Совершали прыжки, и это надо было уметь. У них всё получалось, и чаще на высшую оценку – на «отлично».

Обсуждали они с инструктором, как будут сажать эту махину с обоими заглушенными двигателями. Знали об этом давно, что на вертолете такое возможно. Многие лётчики так спасли свои жизни, за что и любили вертолет в отличие от самолета, который сейчас в современной авиации, посадить без работающего двигателя, невозможно.

Капитан Коля, друг Бухтея, после выпитого стакана спирта с таблеткой транквилизатора у того в кабинете, пообещал проучить курсантов.

Выключил или заглушил он на высоте пятьсот метров оба двигателя.

– Новая вводная! – закричал пьяный инструктор. – Сажаем на обоих заглушенных! Используем авторотацию! – он скомандовал об этом, когда ничего еще не предвещало беды.

Но случилась трагедия. В кабине вертолета началась паника. Хватило несколько секунд для появления хаоса и страха. А все действия инструктора должны были быть распланированы с курсантами, и обговорены заранее перед вылетом, и заучена профессиональная стратегия управления вертолетом в чрезвычайной ситуации.

Борт перевернулся вниз винтом, вошел в штопор и рухнул на пашню – поле было здесь колхозное, распаханно под озимые. В радиоприемнике пункта управления полетами раздавались крики молодых пацанов:

– Коля, падаем! Коля, падаем!.. Коля... Коля... Пада-ее-ее... епрст... мать её... – так вот перед смертью называли они его «Колей»!!!

Погибли все трое. Теперь на месте их падения у нас в районе стоит монумент – настоящая лопасть от винта вертолётa. Трактористы, кто каждый год пашут поле или комбайнёры,

кто собирает с него урожай, видят стелу вблизи, останавливаются и отдают монументу дань уважения. И только один житель Сердобска хранит в своей памяти трагическую и истинную подоплеку о погибших молодых парнях, не успевших насладиться жизнью. Он у них её украл и оборвал, как русский фашист. На вскрытии Тамара Васильевна, судебный врач, что работала до меня, найдёт записку в комбинезоне капитана Лёвкина, если что-то пойдёт не так, он просил никого не винить. А дальше я не могу озвучить её содержание, так как Тамара Васильевна дала подписку о неразглашении тайны следствия военному прокурору Приволжского военного округа. А мне об этом рассказала Лидия Ивановна. Теперь, когда Бухтей и сам проезжает по трассе рядом с местом падения вертолёта, возвращаясь из Пензы, тормозит машину напротив стелы.

– Прости, Коль! Прости! – шепчет он на трассе и плачет. Пытается оправдать себя или искупить слезами вину.

Крики и слова курсантов с нецензурной бранью Бухтей слышал лично в радиообмене с экипажем. Тогда уже понял, что переборщил для закадычного друга Коли со спиртным и с проклятой таблеткой. Этими таблетками лечилась у него жена, Нинка, от бессонницы.

10

В кабинете у Ганина, та самая Нинка Бухтеева разразилась на меня словесной бранью.

Начала она с упрёков и обвинений:

– Да, дал мне это заключение Рондов! Я обещала ему новую немецкую стенку, а он всё упрявился поначалу, всё дурачка из себя строил!.. – она говорила так уверенно, наверное, оттого, что получила консультацию от военного прокурора. Взяткодатель освобождается от уголовной ответственности, если начинает сотрудничать со следствием.

– Он не отказался, и все мне сделал, как я просила. Стенку ему я ещё не успела привезти!

– Сергей Петрович, вы слышали, что сказала гражданка Бухтеева?! И о чём?! Что вы можете ответить? Согласитесь или возразите на её доводы?! Каков ваш ответ!?

Меня снова начали переполнять жгучие эмоции от возмущения. Удержаться от оскорблений, сидевшей напротив оппонентки, я не смог (каюсь, господа).

– Перед вами исчадие ада! Дочь сатаны! Фурия позора и лжи!

– Сергей Петрович, а вы не могли бы отвечать по существу?! – Ганин, как будто оттаскивал меня от соперника на ринге и закричал бы, если понадобилось, «брейк». Но она, несколько не смутилась и добавила:

– Вот так он хотел всё свалить на меня! А если бы придерживался «правильного», заключения, и не было бы очной ставки и уголовного дела против него!

– Я выдал родственникам свидетельство о смерти. Указал подлинную причину смерти Фейгиной. Это первое, что может говорить о моей непричастности к лживому и поддельному заключению. Текст липового заключения, что находится у вас, Валентин Викторович, напечатан не на нашей машинке. У нашей машинки много букв, которые западают. Это хорошо видно даже без проведения экспертизы. Найдите хозяина машинки, и вы определите, кто изготовил фальшивку. А перед вами лживая и подлая женщина! Ну, просто тварь!

– Сергей Петрович, вы переходите грань дозволенного поведения! Ваши слова можно расценивать, как оскорбления! – так пытался снова сдерживать меня следователь прокуратуры. – Давайте не будем отвлекаться на эпитеты и грубые сравнения?!

Нинка на мои жгучие слова не отреагировала, как если бы они показались ей оскорблениями.

– Она преступница! Ее место в тюрьме! – горячился я, тогда еще не понимая сути подобных процедур, как очная ставка. Но угадал я правильно, для чего проводят эти следственные действия. Здесь, как нигде точно оценивается психологический портрет участников и черты

характера для понимания склонности к поступкам обоих оппонентов. Хотя Бухтеева и не теряла над собой самообладания, но у неё вдруг обнаружилась и появилась глубокая червоточина. Проступило на лице чувство животного, неподдельного страха.

– Нина Александровна! А печать в акте, откуда, какое у нее происхождение, если вы можете, поясните что-то?!

– Всё очень просто: Сергей Петрович ее при мне, прямо на моих глазах поставил на заключение, а расписываться не стал, сказал, чтобы я расписалась сама!

На лице Ганина вспыхнуло прозрение, словно оно раскрывало ему иную истину.

– Ложь! – опять не выдержал я и начал возмущаться. – Чушь собачья! Бред сивой кобылы! Какой смысл в самом акте, если там не моя подпись?! А с печатью еще надо разобраться, провести техническую экспертизу. Она очень похожа, но, может быть, не наша!

У Ганина зазвонил на столе телефон. Он, выслушав короткое сообщение, обратился ко мне:

– Сергей Петрович, давайте пройдем с вами к прокурору. Он приглашает нас к себе.

11

Я никогда не любил и даже не уважал прокурора в Сердобске Дохлякова. Он был маленький и лысый. Голова у него расширялась кверху, как шляпка у гвоздя. Подлый взгляд, хитрый взор и оскал, как у бездомной собаки, выдаёт его из толпы и сейчас.

Ганин завёл меня в кабинет, сам тут же повернулся и вышел. Скорее всего, он вернулся обратно к своему столу, где оставил Бухтееву. Когда прокурор заговорил со мной об очной ставке, я догадался, что он слушал нас. Ганин, по желанию прокурора, включал у себя микрофон, и наша речь напрямую передавалась в соседний кабинет, транслировались Дохлякову, «окурку с фильтром».

– Сергей Петрович, ваше поведение нетактичное, некорректное, и это мягко сказано! – назидательно начал Дохляков. – Вы грубы и несдержаны! Вам всего лишь нужно отвечать на поставленные вопросы!

– А я думаю и уверен в этом, что имею право, высказывать своё отношение ко лжи, и к попыткам оболгать меня. Она несет бред подлого человека. И вы не можете не видеть этого!

– Мы разберемся! Вы взваливаете на себя чужие функции. Мы же не поучаем вас, как вскрывать. Нам лучше работать в одной команде! – обрывал меня прокурор. Он стал откровенно давить: – У прокуратуры широкие полномочия! Нам много позволено! У нас большие возможности!

Он тогда уже собирался подмять меня под себя. Ему хотелось видеть эксперта послушным и управляемым.

– Я бы на вашем месте чаще советовался со следователем!

Однажды сам Блязин, заместитель Попова, скажет мне, что предыдущий эксперт (а ею была, не к ночи будь помянута, пресловутая Тамара Васильевна) находила с прокурором общий язык. Она, мол, оставалась на протяжении не одного десятка лет в хороших отношениях с прокуратурой. Я поделился этими откровениями, целого заместителя по экспертной работе у Попова, с Лидией Ивановной. И тогда услышал ужасную, леденящую кровь, подлинную историю о деятельности предыдущего эксперта. Как-то Тамара Васильевна скрыла ото всех истинную причину смерти убитого мужчины. Вроде он умер от рака, долго съедавшего его. А, на самом деле, при эксгумации, у того обнаружили разрубленную топором голову на две половины. Тогда Тамара Васильевна встала на колени, прямо на кладбище. Ее привезли к разрытой могиле, труп в морг не стали отправлять, исседовали на месте захоронения на сердобском кладбище. Она начала умолять всех, чтобы ее пощадили, не увольняли бы с работы и не судили:

– Простите меня, двоих детей одна рошу. Без мужа живу, на трех работах работаю! – она совмещала в те далекие времена работу патологоанатомом, судебно-медицинским экспертом и на полставки врачом-окулистом. Поскольку в то время было трудно найти врача, кто захотел бы работать в районном морге, её оставили.

– Мы все установим! – продолжал прокурор со мной нравоучительную беседу. – Хотя, может быть, и не сумеем доказать вашу вину, и вы не предстанете перед судом!

– Нет-нет, вы меня не слышите, Владимир Николаевич. Вы не только должны установить мою невиновность, но и вручить мне документ или решение, что уголовное преследование в отношении меня прекращено за отсутствием состава преступления! Иначе мне может показаться, что таким каналом, получения нужных для себя заключений, кто-то пользуется в Сердобске давно.

У прокурора, от моей опрометчивой выходки, округлились глаза. Мои слова могли попасть прямо в цель, потому что об их криминальном сотрудничестве с врачом-патологоанатомом, я уже был наслышан. Глаза у него стали злыми. Они были хоть глубоко посаженными, но через линзы плюсовых очков казались выпученными.

– Вы забываетесь, Сергей Петрович, с кем говорите! Вас обвиняют в покушении на получение взятки! – подводил прокурор хитрые постулаты с другой стороны.

– Да, но это только сработает в том случае, если окажется, что я изготовил поддельное заключение!

– Ну, почему же?! Здесь вы можете оказаться виновным даже косвенно, если хотя бы поучали ту же Бухтееву, как обмануть правосудие! Вы соучастник! – так прокурор хотел предать себе значимость и вес в моих глазах. Навязал он мне мысль, как я завишу сейчас от него. – Ведь стенку она обещала вам?!

– Она могла обещать не только мне! Нас уже двое, кто говорит об этом...

– На что вы, любезный, намекаете?! – с пеной в уголках рта и с оскалом, как у маленького французского бульдога, раззявил пасть напыщенный очкарик. Но похож он был в целом на огородное чучело.

– Я смогу назвать имя преступника, кто прячет печать и печатную машинку, сообщить его имя Генеральному прокурору! Но готов довериться только вам, если решение за вашей подписью будет однозначным, что уголовное дело в отношении меня прекращено за отсутствием состава преступления!

– Идите в кабинет Ганина, любезный! Я думаю, мы разберемся без ваших поучений!

Через несколько минут я опять окажусь в кабинете Ганина. Он давно жил в предвкушении должности заместителя прокурора. Но я тогда ещё не понимал, зачем прокурор пытался управлять мною и хотел непременно видеть послушным, а не «разговорчивым».

Недолго до очной ставки с Бухтеевой и препирательств моих с прокурором, в его кабинете побывала Верка Кочкина. Та же история, о чем я уже упоминал про судьбу двух родных братьев, где один избивал другого.

– Вера Николаевна, присаживайтесь, – умиротворяющим голосом начал прокурор. – То, что произошло с вами, ужасно. Я понимаю, как часто такое бывает в тех семьях, когда между родственниками происходит ссоры и скандалы. Никто от этого, к сожалению, не застрахован. Мы отпустили вашего мужа по подписке о невыезде. Ну, а второго брата уже не вернешь. Мне пришлось беседовать и убеждать судебного врача, какое это невосполнимое горе в вашей семье, и как не хотелось бы нам усугублять, и так уже тяжелую, ситуацию. Он его бил и тот умер! Вы понимаете, о чем я?!

Дохляков скривил, уже до этого ставшую кислой, рожу. Одновременно он демонстрировал жалостливые эмоции, будто сочувствовал одному из братьев Кочкиных, и якобы искренне переживал.

Верке даже показалось, что она знает, кому он сочувствует или может сочувствовать. Но она неожиданно поймёт, осознав и прозрев, что не сумела сразу распознать истинных намёков прокурора. Она была далеко не душой, и сообразила, на что ей намекают: как её мужа могут посадить, если поставят другой диагноз, от чего умер деверь на самом деле. А если не поймёт, то муж Верки сядет, уйдёт на зону строгого или особого режима за избиение родного брата, который от этого умер. Но теперь она хорошо уяснила, что прокурора следует отблагодарить, позолотить ручку, чтобы муж не сел в тюрьму. И тут она подумала и решила, хорошо, что отдала уже тысячу в морге, о чём тогда я ещё не знал.

– Владимир Николаевич, я все поняла! – сказала Верка, как будто опомнилась. И чтобы прокурор не решил, что она тянет время и выгадывает новые условия сделки, снова еще раз заявила: – Я все поняла! Мы ничего не пожалеем! – она говорила искренне, и это не ускользнуло от ушей и глаз опытного пройдохи.

– Пройдите, любезная, к следователю Ганину. Он занимается вашим делом! И всё вам объяснит! – так прокурор отправил Верку к следователю Ганину. Тот давно заслужил особое доверие, и числился у него на хорошем счету. Через него Дохляков получал мзду от советских граждан, а народ говорил проще, не брал взятки, а хапал ртом и ж...й. Он готовил Ганина, сделать заместителем, потом своим преемником, именно с ним у него сложились доверительные отношения. Второй следователь, с которым Ганин вместе приехал в Сердобскую прокуратуру, Зассанин, отличался от него тем, что был чрезвычайно глупым и недалёким человеком. Выбор у Дохлякова пал на Ганина неслучайно уже в первый год совместной работы.

Ганин до конца объяснит Верке, что от нее требуется. Деньги в прокуратуру она донесет сразу, в тот же день.

Когда я собрался уходить от прокурора и вернуться в кабинет к Ганину для продолжения очной ставки, Дохляков меня снова приостановил:

– Сергей Петрович, вы еще молоды! – на тот период времени он был как никогда прав о моем возрасте. – Вот вы недавно вскрывали Кочкина, где брат бил брата, и вдруг он у вас умирает от сердца! – Дохляков испытующе посмотрел на меня, будто говорил, если мой диагноз изменится, значит я хотел взятку и не получил её. Я попытался представить и смоделировать ход размышлений на заданную тему, о чем мыслит «аккузатор», вскормленный советской властью. Я не смог тогда понять, как он думал, рассуждал, и какие вынашивал планы, чтобы путать моё сознание. Скорее всего, он только выводил у меня, и страховался, не придётся ли ему самому возвращать взятку Кочкиным, если я изменю диагноз. Но как мне было тогда разобраться, если в тот момент мои мысли оказались занятыми очной ставкой с Бухтеевой.

– А вам не кажется странным, товарищ прокурор, что подпись в акте не моя!? – называть его «товарищем» приходилось только потому, что это была форма обращения даже к негодьям. Но тут он был в статусе официального лица советской прокуратуры, в системе правосудия страны. – И скажем честно, там нет подписи! А стенку, по пути ко мне, она уже кому-то отдала, раз вы ее как-то странно защищаете?!

– Не надо ёрничать, Сергей Петрович. Идите, Ганин продолжит с вами очную ставку!

В кабинете Ганина я опять не унимался. Начал я достаточно с весомого предположения, и не понимал из-за молодости, что мои аргументы никого не интересовали.

– Валентин Викторович, смею предположить, что Бухтеева воспользовалась услугами врача-патологоанатома Васильева!

Но на эти слова она никак не отреагировала. Я понял, что имею дело не просто с подлой женщиной, а с прожжённой опытной аферисткой.

– И вы должны внести мои слова в протокол очной ставки, – дополнил я настойчиво.

– Сергей Петрович, – Ганин опять болезненно реагировал на мои замечания и останавливал их, – не надо спешить со своими выводами. Мы разберемся!

– Буду ждать письменного ответа и не за «недоказанностью» вы прекратили уголовное дело, а за «отсутствием состава преступления»!

12

Время снова перенесло меня в 2016 год. Здесь я уже бился с современными оборотнями, после Нинки Бухтеевой и её мужа.

В отличие от Сунина и от Плотникова я не знал сейчас, кто придет ко мне и умышленно не интересовался этим.

Я несильно удивился, когда в кабинете у меня появился, или как будто впёрся, эксперт из области – Пивоваров Антон Антонович. У него выделялся тяжёлый подбородок, за который легко при желании можно было бы любому собеседнику ухватиться, чтобы потрясти наглуго и всегда пьяную морду. Он выглядел и был высокий ростом, с широким, словно с развалившимся лицом, и с постоянным непреодолимым у него пивным запахом. Он его иногда смешивал с ароматом дорогого коньяка, пары которого часто сравнивают с вонью раздавленного клопа.

Таким я его заставлял всегда, правда, в редкие дни и часы своего приезда в Пензу, в областное бюро.

– Сергей Петрович! Ну что, может, снова посмотрим труп?! Я же не просто так ехал за сто километров, – вальяжно и как-то даже по-хамски Пивоваров навязывал свои условия.

– А от меня-то сейчас что нужно?! Я уже его вскрыл и все описал! Продиктовал! Протокол вскрытия у меня напечатан, – тут мне хотелось подчеркнуть, что не вижу необходимости самому лично еще раз осматривать труп и тем более его исследовать. – Поэтому, может, вам лучше посмотреть и почитать протокол вскрытия?! – сказал я и заподозрил, что дело пойдет опять, как по Маскаеву, в другом направлении. Через приоткрытую дверь мелькнул Сунин, но заходить не стал. Он давал Пивоварову возможность морально придавить меня и перенастроить. А проще говоря, им нужен был свой диагноз, и лучше, если бы он звучал от моего имени и из моих уст.

– Ну, знаешь... не так всё просто... – заговорил он со мной на «ты», словно подчеркивая превосходство, но пьяным и сбивчивым голосом. Его развозило от выпитого спиртного. Но он как-то залебезил, продолжая держать форму.

– Я же не сам по себе приехал, меня направил к тебе Аркадий Петрович. А он пока еще наш начальник, если ты не забыл. И моя задача доложить ему результаты служебной командировки! Так что, давай, я все-таки посмотрю сначала труп!? А потом уже документацию, что там на самом деле ты написал! Тебе же тоже важно обсудить диагноз и механизм травмы, если там окажется травма. А то ведь не раз уже так случалось, что insult принимают эксперты за черепно-мозговую травму. По-моему, это у тебя такой случай был, не так ли!? И совсем недавно! Суд безжалостен к нам, ко всем экспертам! А потом я смогу почитать твой протокол вскрытия. Вместе его обсудим и подпишем!

– Антон Антонович! Вы же знаете закон? Вскрытие я произвел! Протокол исследования трупа напечатал! Необходимые биологические объекты для исследования изъяс! Письменное заключение и выводы я подготовлю в течение месяца!

После моих слов, похожих на лекцию, Пивоваров побежал на улицу. Он тоже заметил, что в дверь заглядывал Сунин. Они об этом договаривались накануне, про условную связь, для

слаженных действий. Тот ждал его рядом с моргом, и никуда не уходил. После возвращения в кабинет, он тут уже «запел» и стал говорить иначе:

– Сергей Петрович! Я тебя, конечно, понимаю, но и ты пойми, я не в бирюльки приехал играть! – он сбавил обороты, чтобы демонстративно не давить на меня, и начал уже вроде как уговаривать: – Ну, хуже ведь не будет, если ещё раз мы вместе посмотрим труп, ведь у следователя Сунина возникли сомнения. И правильнее было бы их разрешить сейчас, а не тогда, когда труп закопают. И его придётся, не дай бог, эксгумировать. Его придётся выкапывать!

Я стал убеждаться, что Велиар прислал Пивоварова не для того, чтобы защищать районного эксперта от давления следственного комитета, и вместе противостоять им, как порочной системе. Выходило всё наоборот, он должен был надавить на меня ещё больше и сильнее, чтобы усилить административный прессинг. В лучшем случае, постараться переубедить. Если ничего из этого не выйдет, чтобы я добровольно согласился изменить диагноз, то Плотников подстрекал его напрямую подействовать, как на непослушного коллегу. Они допускали любое формы воздействие, вплоть до физических угроз. И я потом узнаю, как Плотников приказал Пивоварову:

– Размажь его, чтоб не умничал! Антон, ну ты же знаешь, как это делать. Ни мне тебя учить! – и даже цокнул языком, как будто хлопнул по своему выпирающему животу толстыми короткими пальцами. – Понял, что я хочу от тебя, и от него потребуй!? Поезжай и разберись!

13

Я вспоминаю сегодня экспертизы по разным уголовным делам, а с этим и другие ужасные истории. Они укладывались в обычное поведение безнаказанного и недалёкого Аркадия Петровича, нашего Велиара. Одну из таких историй я бы назвал «Малосердобинская».

Недалеко от нашего Сердобска есть населённый пункт Малая Сердоба. Оттуда тянется одна из трагических историй.

После очередной вахты или смены жительница посёлка Малая Сердоба Валя, по фамилии Малосердобинская, приедет на передышку. Она ухаживала за московским инвалидом, вроде как своих инвалидов у нас нет. Они есть, но платить по уходу за ними некому, так как народ живёт бедно. А у неё уже в рейсовом автобусе поднялась высокая температура. Она ощутила сильный жар и ужасное физическое недомогание. Нижнее бельё: лифчик, трусы, короткая майка – стали у неё мокрыми. Они прилипали к телу, ей казалось, что их уже можно выжимать от пота. Все указывало, и она догадалась сама, на респираторную вирусную инфекцию, напоявшую сезонный грипп.

Главой администрации упомянутого района тогда заступил небезызвестный Ваня из партии ЛДПР, он возглавлял отделение партии в маленьком Сердобске. Гладколицый, розовощекий молодой парень. Уже много сказано для характеристики хорошего человека, но он был другом Гнуса. Тот помог ему продвинуться по карьерной лестнице за верное служение безжалостной банде.

Трудно сейчас обвинять «нашего Ваню» в чем-то конкретно, но, пожалуй, можно лишь в одном, и я ему сказал об этом:

– Ваня, тебе невозможно, оставаться честным человеком, а уж более того, независимым руководителем. Тебя поставили на должность не за заслуги перед жителями села или Отечества. Пришёл ты не в результате честно выигранных выборов. Это означает не за личную доблесть и славу тебя поставили руководить людьми. Когда ставят за «кумовство», то за спиной всегда есть конюх. И он будет держать тебя в стойле, а выпускать пастись в пугах. Когда ему захочется, или нужно будет превратить и использовать тебя, здорового жеребца, как послуш-

ного маленького пони, или как смирную водовозную клячу, он это с тобой обязательно проделает. Он запряжёт тебя. И ты под ударами его хлыста станешь делать только то, что тебе скажут!

На глазах персонала, давно убитого и разрушенного фельдшерского акушерского пункта, молодая женщина стала быстро тяжелесть в медицинском общеклиническом понимании. Состояние её катастрофически ухудшалось. Все начали понимать, что необходимо везти ее в больницу в Сердобск. Худшее или лучшее приняли тогда решение, но это было самое ближайшее лечебное учреждение. Здесь хотя бы числилось отделение интенсивной терапии.

Возникла проблема с бензином. Звонили главе – вот тому розовощекому «нашему Ване». Тот мямлил и ковырялся пальцем в носу и в ушах, но бензин все-таки нашёл. Нашёл не сразу, через три часа, а путь до Сердобска на «скорой» меньше часа.

– Вы мне, что галдите про бензин, что его нет, а откуда я его должен взять!? Раз я глава, то вы думаете, и бензин я качаю со своей нефтяной вышки!? А я такой же, как вы, простой человек! Я тоже народ! – бубнил он в трубку стационарного деревенского телефона.

Время для спасения больной безжалостно уходило. Фамилия у Вани была – Кукухин. Но после истории с Валею Малосердобинской, когда он ее отправил через несколько часов в Сердобск, называть его начнут – «Никакухин». Бедную, несчастную женщину не довезут до Сердобска всего несколько километров, наверное, где-то около двадцати. У нее остановится сердце первый раз на стеле с надписью «Совхоз Пятилетка».

Фельдшер Нина, опытный работник, станет биться за жизнь кроткой и тихой женщины, матери двоих детей, до конца. Нина честно и до изнеможения собственных сил пыталась спасти жизнь тяжелобольной. Запустит она ей сердце закрытым массажем дважды. Валя шепотом попросит ее, наконец, прижаться ухом к своим губам и со слезами на глазах огласит последнюю волю:

– Нина, ты мужу моему, Толе, скажи, чтобы детишек не бросал, до ума их пусть доведет! Образование даст! Устала я в Москву ездить и на богатых батрачить! – потом она умолкла, и земная жизнь ее оборвалась

– Да ты подожди, тётъ Валь, умирать-то подожди, давай дыши, дыши, тётъ Валь, дыши! – теребила и вдыхала ей в рот воздух, зажимая при этом по науке у неё нос, честная и сердобольная фельдшер Нина из Малой Сердобы.

Все произошло достаточно быстро, в короткий промежуток времени. Она поступила в сельскую больницу, а потом, когда все-таки решили ее отправить в Сердобск, по пути она умерла. Окончательный клинический диагноз выставить не успели и не смогли. Вследствие всех этих причин вскрывать ее предстояло мне, как судебно-медицинскому эксперту.

И вот, чтобы дальше продолжить свои мысли и историю смерти Вали Малосердобинской, обойтись без описания сути уже другого случая, или повествования, совершенно невозможно.

14

В один из каких-то дней Велиар объявил о внеплановом заседании для судебных врачей. По приезду в областное бюро я обнаружил, что экспертов собралось совсем мало. Среди всей небольшой гвардии лизоблюдов, присутствовал эксперт, кто у себя в районе занимался частным аптечным бизнесом. Приезжал он на совещания на личном «Мерседесе», и только поэтому, мне казалось, он нравился Плотникову, имеено из-за своего высокого, по сравнению с нами, экономического статуса.

Звали аптекаря Андреем. Большой длинный «Мерседес» дополнял его необыкновенную внешность, как будто и она тоже указывала на внеземное у того происхождение. А «Мерседес»

только подчеркивал исключительное космическое начало и мог казаться нам, остальным районным экспертам, летающей тарелкой.

Тут же на совещании была и Власова, о которой мы упоминали, что она поменяла свою фамилию с «Пустобрёховой». Сегодня, как никогда до этого, она выглядела неухоженной, вымученной и уставшей.

Она как-то жаловалась Дарюшину Алексею Степановичу:

– С Пупком работать невозможно, он не дает подработать. Все деньги от ритуальных услуг забирает себе. Гребет в один карман. А мне трудно сводить концы с концами. Ты же понимаешь, Алексей Степанович, как тяжело жить с ребенком одной без мужа!

Волосы на голове у нее были редкие. Особенно сегодня они, как солома, свисали в разные стороны с немытой её головы.

Собралось за столом «неожиданного», будто экстренного совещания, как на шабаше ведьм, объявленным Плотниковым, не более 10-ти человек. Мне не хотелось даже пересчитать их. Я предчувствовал для себя недоброе развитие предстоящих событий.

Я стал медленно доставать документы из «дипломата», который взял в этот раз с собой и все туда сложил.

– Я вижу, Сергей Петрович, вы уже начали готовиться?! – он, то ли спрашивал Плотников, то ли утверждал, но в любом случае подчеркивал, как ему легко удастся со мной справиться или даже – разделаться по полной программе.

– Извините, видно, я мешаю, хотел сэкономить ваше время! – оправдывался я, но продолжал усиленно готовиться, перебирая в мыслях варианты, и не мог исключать провокации с его стороны. (Я был вынужден включить «жучок», самого честного свидетеля любой беседы.)

– Сергей Петрович?! – обратился снова Пупок ко мне. – Я не понимаю, как вы по Нефедовой дали заключение, что у нее нет тяжкого вреда здоровью. Неужели вам не приходило в голову, если вы не уверены, то отдайте, переадресуйте выводы для комиссионной судебно-медицинской экспертизы. Вы же очень правильно поступили, у вас хватило ума, передать для оформления заключения, и всех дополнительных обследований по Маскаевой, – нам! Ну, помните, наверно, эту девочку, что оказалась изнасилованной своим отцом!?

Я уговаривал сейчас самого себя: «Молчи, Сергей Петрович, молчи!» – и хорошо понимал, что Столяр торжествует. И я молчал про девочку, ведь какой смысл говорить, если всё печально закончилось (отца убили на зоне и Велиар был в этом виноват!).

– Ну, а здесь вам, неужели, что-то непонятно?! – продолжил Пупок длинную речь. – Перелом основания черепа. Тяжкий вред здоровью! Как у вас он вдруг оказался не тяжким?! Ну, не знаете, не умеете, не можете, сомневаетесь, откажитесь! Отправьте, я вам снова об этом повторю, на комиссионную экспертизу! Позвоните, в конце концов, и спросите, что вам делать! – он сказал мне в этот раз уже так, что я не мог не вспомнить, как Луцкая бегала и прыгала по любому поводу вокруг него. Она звонила ему, уже имея сертификат судебного врача из Самары.

– Я не понимаю! Сергей Петрович! Объясните! – безумный Пупок напирал, злорадно сверлил меня своим пустым взглядом. Я невольно задумался, кто же его проконсультировал про основание черепа, не меньше теперь, как сама Власова. Она сидела рядом с Пупком и несколько не смущалась, а одаривала начальника улыбкой в подобострастном оскале, обнажая кривые кариозные зубы.

– Наше областное бюро! – воодушевился Столяр, будто намеревался строгать меня из полена, как папа Карло строгал Буратино (недаром прокурор Ракова в свое время наградила ему погонялом «Столяр»). – Единый комплекс... – вероятно, он хотел сказать «коллектив», поэтому поправился: – Ну, то есть команда! Мы одна команда! А кто не в нашей команде, идите и играйте на другом поле!

– Да, да, мы команда, – не выдержал я уже сам, – вы несете ответственность, чтобы вовремя отправлять экспертов на учебу. Оплатить им специализацию или курсы повышения квалификации врачей. Они должны быть подготовленными и давать умные и честные заключения. Но уголовную ответственность несет только тот, кто их подписывает. Именно, вовремя прошедший специализацию, эксперт, когда он получит сертификат на 5-ть лет, способен давать высококвалифицированные заключения.

– А кого это я из вас подставил?! Я всегда и перед всеми вас только защищал!

– Аркадий Петрович, давайте будем честными! Вы можете защищать до тех пор, пока кому-то из нас не докажут и вам тоже, что заключение заведомо ложное! А потом, когда докажут, привлекут к уголовной ответственности. Вы не будете моим адвокатом! Мне придется нанимать настоящего адвоката из юристов!

Но он ухватился своими поверхностными познаниями и со слабым у себя логическим мышлением за самую легкую мысль.

– Вот я и хочу спросить вас и услышать, как вам удастся сейчас это доказать?! Ведь перелом костей основания черепа является тяжким вредом здоровья человека, а у вас он оказался еще и легким, даже – не средней тяжести!?

– Я не думаю, чтобы именно это стало сейчас принципиально важно. При ДТП – легкий вред и средний вред здоровья, причиненный человеку, как бы все «едино» и не даёт оснований для возбуждения уголовного дела в отношении виновника.

– Сергей Петрович!.. – с наигранной болью в голосе, словно хотела передать всю тяжесть переживания другим присутствующим, неожиданно влезла в разговор Власова. – ...Речь идет о тяжком вреде здоровья человеку!

Тут по теме я неожиданно вспомнил Попова. Он, без лишних и глупых обсуждений, переделывал заключения районных экспертов руками продажного заместителя Блязина. И они выдавали уже другие выводы в повторной экспертизе.

– Мы уважаем вас, товарищи эксперты, но у нас на этот счёт есть своё мнение! – очень редко, но вот так говорил Попов, когда давали они другое, по сути, заключение.

Как-то я поставил в причину смерти диагноз, «травматическая субдуральная гематома». Это тот случай, о чем мне пытался напомнить Пивоваров. Гематома оказалась очень большой и субдуральной, а кровоизлияние в мозг в результате заболевания было небольшим очагом по объёму. Случилось внутримозговое кровоизлияние намного раньше по времени образования субдуральной гематомы. Попов, будучи уже на пенсии рядовым экспертом отдела сложных экспертиз, переиначил ход моих логических размышлений. Внутримозговую гематому и субдуральную гематому расценил, как результат одного кровоизлияния в мозг от цереброваскулярной болезни. А в субдуральное пространство кровь прорвалась, мол, потом из внутримозговой гематомы. Но обстоятельства дела и результаты исследования трупа были совершенно другими. Попов в этой истории прикрывал преступление медицинских работников с обоснованием иной причины субдуральной гематомы. А на самом деле они уронили с каталки большого с геморрагическим инсультом на пол. Тот ударился головой и получил травматическое субдуральное кровоизлияние на фоне состоявшегося кровоизлияния в мозг.

– Да, я понимаю, – отвечал я Пупку, – что мы говорим о переломе костей основания черепа. Но я сейчас хочу всем лишь напомнить, что для этого необходимо доказать перелом внутренней костной пластины основания черепа. Перелом только наружной костной пластины не будет расцениваться тяжким вредом здоровья.

– Сергей Петрович, мы знаем, – снова говорил Плотников, – о чём идёт речь. Это прописные истины. У нас речь идёт о переломе сосцевидного отростка.

– О трещине у нас идет речь!

– Да, но трещина разве не перелом?! – с ухмылкой уточнил Плотников.

– Неполный перелом! – продолжал я тянуть время, чтобы понять, как они хотят обмануть меня и для чего. Всё это напоминало лукавое действие в обход принципов и морали.

– Но что это меняет, когда на костях свода или основания черепа чаще всего и образуются трещины, если речь не заходит о нанесении по голове удара тупым твердым предметом с ограниченной поверхностью соприкосновения. Не более 16-ти сантиметров квадратных, – решил Пупок блеснуть знаниями, наверное, специально заучив это перед нашим коллоквиумом.

– Вот именно, – я тоже подтверждал, но ехидничал об ограниченной плоскости соприкосновения, – четыре на четыре сантиметра площадь плоскости соприкосновения ударяющего предмета, будет шестнадцать!

– Но если бы сосцевидный отросток, – продолжал умничать Плотников, – не был бы прикреплен и сращен с пирамидой височной кости, он при трещине развалился бы на две половины. Поэтому мы всё равно называем это переломом. По любому, Сергей Петрович, я даю вам возможность исправить свой конфуз и правильно интерпретировать вред здоровья, как тяжкий! – таким поведением и обращением ко мне он хотел подчеркнуть и напомнить, что выступает благодетелем, каким всегда, мол, оставался для всех работников бюро.

Он внушал, что спасает районного эксперта в моём лице от нежелательных и неудобных вопросов следователя. Вроде как уверял, что своевременно избавляет меня от непредсказуемых последствий и потрясений в суде. И нагло продолжил:

– Вы же понимаете, что после совещания уже не сможете отрицать, что не знали правильного ответа и не смогли понять и услышать нас. Мы специально организовали такую консультацию для вас в расширенном составе! Коллектив судебно-медицинских экспертов, что сегодня присутствуют здесь, подтвердит решение консилиума, где мы пришли к одному выводу. Мы объяснили вам, как правильно расценить травму у потерпевшей. А вы освобождаете от уголовной ответственности второго участника ДТП! У вас однозначно – заведомо ложное заключение! И бойтесь, если вас ещё не обвинили, что сделали вы это небескорыстно! В интересах виновницы ДТП! Хозяйки «Мерседеса»!

– Но как же, в таком случае, мне изменить решение?! – стал я играть испуганного кролика. – Ведь я уже отдал заключение в ГИБДД, и они отказали потерпевшей в возбуждении уголовного дела в отношении виновника. А там, я тоже об этом знаю, виновницы, то есть женщина совершила наезд, нарушила правила дорожного движения, и она стала причиной происшествия!

– Вам принесут заключение назад! Перепишите! Иначе, попадёте под уголовную статью!

– Но они могли сделать ксерокопию с моего первого «Заключения», и тогда где-то неожиданно всплывут два разных документа, но по одной и той же травме, у одной и той же свидетельствуемой – Нефедовой.

– Не всплывёт! Сергей Петрович! Не всплывёт! Всё будет правильно, так, как надо! И не делайте всю историю сложнее, чем она есть!

– Уважаемый доктор Рондов?!.. – тут опять в разговор влезла Власова. Ей не терпелось показать своим видом и поступками собачью преданность и безграничное уважение к начальнику, выказать «искреннее радение» за общее дело. – ... Что же вам непонятно, или, что же для вас остается непонятным, если начальник вам честно и ясно объясняет, каким должно быть ваше заключение!

– Это, не я объясняю... – прервал Велиар глупую речь своей подчинённой, даже он при своём недалёком уме расслышал нежелательную какофонию в словах Власовой. Она дискредитировала его, как руководителя. Из её слов могло последовать, что он заставляет писать всех экспертов заключение по своим лекалам.

– Так трактуют правила и каноны судебной медицины!! – выправлял ситуацию Пупок после курьёзных слов Людмилы Владимировны.

– Я и хотела подчеркнуть это, Аркадий Петрович!.. – расшаркивалась она перед ним, и снова хотела усть меня: – Сергей Петрович, начальник подсказывает и направляет всех нас, как опытный и мудрый руководитель, как кандидат медицинских наук!.. – снова подстраивалась Власова под тему, навязанной мыслью Плотникова. Я почувствовал, как подул давно знакомый мне северный ветер из далекой уже советской России. Как будто снова нам предстояло строить коммунизм.

Дурной запах от Велиара пошёл по всему кабинету. Власова вскочила, засуетилась, как потешный живчик с кривыми ножками, тонкими ручками, с сухой, быстро стареющей, кожей лица. Она включила вентилятор, оправдываясь и показывая всем своим видом рабскую покорность. И делала она это под предлогом, что в кабинете Пупка стало душно. Но никто из присутствующих не ощущал жары, кроме распространявшейся «велиаровой вони».

– Уважаемый Аркадий Петрович и глубокоуважаемая Людмила Владимировна, – обратился я теперь одновременно к обоим, – если я дал необоснованное заключение, и, по каким-то причинам, неправильное, вы по закону можете провести комиссионную судебно-медицинскую экспертизу. Вы можете дать уже то заключение, которое вы и все члены комиссии будут считать правильным.

– Конечно, мы так и сделаем, только вы сразу попадёте под уголовную статью «за дачу заведомо ложного заключения»! – и Пупок сделал жест, что, если перевести на язык междоуметия – «Увы»!

Но я уже был наслышан о его фокусах, когда подобные ситуации происходили у него в бюро. В самой Пензе. В амбулатории по освидетельствованию живых лиц.

– Ну, что же, – я взял слово и встал, – тогда все участники совещания должны услышать меня от начала и до конца. – И я решил продолжить заготовленную речь: – Наверное, это станет интересно всем. Хочу вас, дорогие коллеги, судебные врачи, тоже предупредить, вы не сможете потом сказать, что всего этого не слышали! – я потрогал «жучка», который провалился у меня за майку и задержался на пояском ремне изнутри. – Я поясию позже, что имею в виду, – сказал я всем и приободрился, одновременно с этим напряжился.

Но я ещё не знал и не догадывался, что ему давно помогли фэсбэшники обезопасить свой кабинет. Они оборудовали и снабдили его всем необходимым, чтобы нельзя было прослушать и записать на цифровой носитель любой разговор.

15

Но теперь невозможно было бы не вспомнить, раз мы коснулись врачебных ошибок, другой трагической истории. Это произошло, когда сноха бандита тоже из 90-ых – старшего Трыки, ткнула его родного брата перочинным ножом. Того сразу увезли в операционную. Операция длилась по времени недолго. Но неожиданно наступила остановка сердца прямо на операционном столе. Его запустили снова реаниматологом закрытым массажем и элетроразрядом! Потом снова и снова повторялось такое уже три раза. На четвертый раз запустить сердце не удалось. Он умер. Причиной для возникших осложнений при операции на брюшной полости с ножевым ранением оказалось в первую очередь алкогольное опьянение пациента, а уже во вторую очередь – наркоз и сама операция. Но наркоз и операция в этом случае были единственными условиями для спасения жизни человека. Но всё это вместе привело к тромбэмболии легочной артерии. Врачи на своем языке называют это – ТЭЛА; она же стала тут и причиной внезапной смерти. Тромб, а здесь уже он представлялся, как сверток крови в полости правого желудочка сердца, образовывался от сгущения самой крови, попадал в просвет

легочной артерии и сердце рефлекторно остановилось. Пациенту начинали проводить закрытый массаж сердца, не зная точных причин его остановки. Тромб, по всей видимости, при массаже выпал из лёгочного ствола в полость правого желудочка, и главный орган начинал снова биться. Но тромб крутился, как юла, в правом желудочке до тех пор, пока опять не попал в просвет легочного ствола. Сердце снова рефлекторно остановилось. Пациенту делали массаж, но на четвертый раз, как свидетельствовали сами реаниматологи, все попытки завести главный орган у человека – его мышечный мотор – оказались тщетными и безуспешными.

Старший брат Тураканова после этого появился в моем кабинете и заговорил с порога:

– Скажи, Петрович, кто накосячил? Какому коммуняке воткнуть пику в бок? Когда коммуняки перестанут править балом?! Я всех накажу, кто виноват, ты меня знаешь?!

– Нет, твой брат умер не по вине врачей. Он умер не напрямую от действий кого-то из них. Оперировал его Мартынюк. Сделал он всё правильно и грамотно! В брюшной полости ни капли крови! Ушил всё, что нужно! Сделал операцию чисто и аккуратно! Ты мог бы стать его должником, чтобы заплатить, если бы брат твой остался, жив.

– Почему тогда он умер?! Женьку Мартынюка я знаю. Бухарик он конченный!

– Сейчас это не столь важно, операцию он сделал хорошо!

– Тогда почему Сашок умер?! – начинал злиться мой визави.

– Я надеюсь, сумею тебе объяснить, и ты все поймешь!

Я действительно полагал, что выпускник Московского авиационного института способен понять меня в отличие от выпускников Пензенского педагогического института. Только оттуда могли выпустить таких недоразвитых бандитов, как Гнус и Кеня.

Гнус нередко хвастался передо мной, что он был в институте круглым отличником (когда уже высшее образование стало платным и до сих пор покупаются экзамены и зачеты). Но живут у нас в городе люди, кто в недалёком прошлом учился в том же педагогическом институте. Там барагозил и свинничал подлый Гнус. Они рассказывают до сих пор о нём омерзительные вещи:

– Ой, такого придурка ещё поискать надо. Конченный подонок! Напьётся как обычно, словно свинья и шляется по общаге. Завалится в любую комнату, и у нас, бедных девчонок, картошку на сковородке сожрёт, а потом гадко лыбится и издевается!.. Зойка у нас смелая была, заявление на него написала в милицию. Её потом изнасиловали. Все в масках были, она никого не опознала. Так и бросила из-за этого подонка институт. А вторая, Машей звали, та повесилась, никто не знал почему. Но слухи ходили, что он и к этому приложил свою руку! Как и сейчас слухи ходят, что главу нашего района они убили. Ничего удивительного в этом не вижу. И про Трыку не удивилась бы, если бы сказали, когда он ещё был жив, что это он сделал. Одним миром они мазаны. Нельзя давать им деньги и власть. Как и Ленину, и Сталину, нельзя было отдавать страну на растерзание. Они будут вечно воевать, и убивать оппозиционеров! А Брежнев начнёт лечить их в психбольницах!

Но, кроме всего прочего, Гнус и Димуля приберут к рукам у нас в городе муниципальную похоронную службу под самым благовидным предлогом. Они внушали всем, что частная контора для захоронений станет лучше муниципальной, надёжной и доступной услугой.

Недавно довелось мне пойти в «Похоронный дом» к администраторам. И я стал свидетелем необычной сцены.

В коридоре «Похоронного дома», а называлось оно красиво, как фойе, оказалась бабушка. Она отдалённо напоминала мне мою родную бабу Маню.

– Дочка, приезжали тут, видно, ваши работники?! Тихона маво забрали. Увезли. Куды ж увезли, не знаешь?! Домой-то привезут, чай, или нет?! Что скажешь?!

За столом администратора «Похоронного дома», сидела Неля. Худая черная со сросшимися бровями сорокалетняя дама. Выходил у неё на лице землистый цвет кожи, оттенявший облик некрасивой женщины. Клиенты, словно сразу понимали, где они и куда попали – если говорить о родственниках умерших. Здесь, мол, ворота в иной мир.

– Я не знаю, бабуль, смотря, как и на что ты с ними договаривалась!

– А как договаривалась?! Не спрашивали они, сами распорядились! Заплатила деньги – они сказали за доставку! Три тысячи. Я ещё подумала, что-то такси, больно, дорогое! Живого человека у нас за сто рублей довозят до любого места, и до роддома, и до погоста. А Тихона маво за три тысячи повезли! И сказал ваш работник, сильно худой такой мужчина, его «Поляком» остальные называли, чтобы утром пришла я сюда. А здесь, мол, всё расскажут.

– Отвезли его в морг, значит! Там у нас холодильная камера! Там его разденут, забальзамируют, оденут в специальную похоронную одежду!

– Дочка, одежда у него своя! Костюм дома почти неношенный, в шкафу висит.

– Нет, бабуль, у нас так не положено. Сейчас похороны строго по регламенту.

– По регламенту?! Что-то у нас такого раньше не было! Ну, раз по регламенту, так по регламенту! А куды же тогда заплатить?!

– А здесь прямо и нужно платить! – сказала худая, чёрная, как смерть, некрасивая Неля – главный администратор. Она живой свидетель и распорядитель «гнусова крематория», где сжигали человеческую совесть.

Бабушка достала завязанный в узелок платок, как маленькую котомку, где хранилось что-то важное и очень ценное. Она стала аккуратно развязывать узелок на самом мешочке, и высвободила оттуда деньги. Они их долго собирали с дедом на свои похороны.

– Ты уж скажи мне, дочка, я отсчитаю!

– 150-ят тысяч, – назвала Неля обычно озвучиваемую для посетителей сумму. Бабушка трясущимися, костлявыми руками, которыми развязывала носовой платочек с зелёными полосками, сжала его и хранившиеся там деньги. Но руки её продолжали дрожать. Могло показаться со стороны, что она не поняла, о какой сумме идёт речь, а возможно, решила уменьшить сумму, надеясь на свои доводы. Начала говорить про захороненных сыновей, о которых, подумала она, будет уместно вспомнить.

– Но у нас, дочка, здесь своя могила есть! Детишек мы в ней похоронили – двух сыновей, что нажили и воспитали. А сами их вот пережили! Теперь уж хотим тоже, чтоб с ними и нас положили! Не знали, кто первый соберётся! Тихон вот надумал – первым! А уж меня саму и не знаю, кто похоронит! Нет у нас никого больше, не осталось! Жить долго нельзя – хоронить будет некому! – и она смахнула наворачившуюся слезу.

– А у вас документы на могилу есть?!

– Да как же, вот, – и она полезла в сумочку, с которой пришла, и подала администратору какие-то бумаги.

Неля бугристыми костлявыми пальцами рук взяла у неё документы и посмотрела их. Тут же вернула обратно.

– Нет-нет, бабушка, это не те документы! Это свидетельство о смерти, как поняла я, на ваших детей?! А мне нужны документы на могилу!

– Так там, на могиле, на табличке написано вот про них, про Егорку и про Сашеньку! – и посетительница снова поднесла к лицу тощей Нели бумаги. Она опять выставляла перед работницей похоронного бюро документы, которые та вернули ей только что в руки. Чахоточная Неля, пресмыкавшаяся перед Гнусом, отжимала или разводила сейчас бабушку на деньги, и ни что другое её не интересовало. А та ещё не понимала этого, и, достав документы из сумки, не спешила их убирать.

– Нет, бабуля, другие должны быть документы!

– И куды же теперь нам с Тихоном ложиться?! – обескураженная и расстроенная старушка не понимала, как так получилось, что похоронить своего мужа на городском кладбище она не сможет.

– Мы сейчас на «Круглом» всех хороним! – вроде как худышка кладбищенская стала успокаивать несчастную старушку, рассказывая про село Круглое. Там открыли новое городское кладбище.

– Далеко это, дочка! Мы недавно подругу мою хоронили, я оттуда на автобусе еле доехала!.. И что же это за сумма такая? У меня пенсия была 8-мь тысяч, у Тихона 12-ть, мы за всю жизнь столько денег не скопили! Костюм, рубашка, нижнее бельё у него новые, ботинки лакированные – любил он их. Гроб простой нам надо, материей белой оббить внутри, а сверху – красной. А поминки-то – у нас уже нет никого, звать мне некого. Я его дома сама помяну. Пять кур у нас осталось, вот одну на бульон пушу и похлебаю, как на помине. Бедные мы, дочка, и всю жизнь так прожили!

– Бабуль, у нас регламент! У нас нет богатых или бедных – мы всех одинаково хороним! Различий у нас нет! – говорила худосочная Неля. – А на счёт могилы, раз своя есть, надо к главе района идти. Кладбище в центре города, оказалось, хоронить сейчас на нём нельзя. Сносить его будут!

– Как же сносить?! Сколько людей живёт ещё в городе, а у кого родственники здесь лежат! Как же сносить!?

– Бабуль, это не я решаю! Регламент!

– А как главу-то мне увидеть?! – отчаялась старая женщина, всё ещё надеясь и вынашивая планы на какие-нибудь послабления от утлой распорядительницы похоронного хозяйства.

– Ну, где же ещё – в Красном Доме!

– Дочка, ты мне подскажи, как его увидеть?! Я же всё-таки хочу спросить, раз он глава наш, как мне с могилкой-то быть. Что же я Тихона в ней похоронить не смогу?!

Дальше Неля поспособствовала бабушке вызвать такси по телефону, помогла ей сесть в машину. А я решил не уходить до тех пор, пока не увижу окончания истории. Совсем недавно я также не мог похоронить свою бабу Маню. Сейчас я больше согнулся над столом, чтобы не привлекать к себе внимания. Уткнулся в документы учёта захоронений, в поисках справки на могилу своих родственников, что я собственник, но понимал, что мне её не найти. «Гнусовы люди», изначально их никому не выписывали и не выдавали.

Бабушка вновь появилась через час, и была ещё больше расстроенной. Для меня время пролетело тоже быстро, потому что мучило не любопытство, а жгучая боль разрывала душу.

– Дочка, я никак не пойму, почему за нашу могилку, чтобы дали на неё документы, теперь нужно ещё заплатить 50-ят тысяч!?! – Я догадался, что она побывала у самого главы, у Димули Глухаря, у нашего мэра. И как я уже слышал не в первый раз, что он продаёт места на старом кладбище, то есть могилы, родственникам умерших людей. А за предоставленные им документы берёт деньги, чтобы они стали «по закону» собственниками этого участка земли. – Где же и откуда я возьму такие деньги?! Мы с Тихоном вот скопили сто тысяч на двоих, и думали, что хватит этого на всё!

– Мария Степановна, – после такого обращения Нели, работницы с кладбища, к старушке, когда она назвала её по имени отчеству, я вздрогнул, оттого что эту старую женщину тоже звали, как и мою покойную бабушку, Маню, – мы можем вам кредит открыть. Подпишем договор, и будете платить частями?!

– Да ну какие там части?! С какого такого дохода?! С одной теперь, получается, мавойной пенсией?! И платить-то долго уже не смогу – сколько мне тех лет жизни осталось?! Кто только тогда меня похоронит?! А вы не могли бы двойной гроб сразу сделать??

– В каком смысле?! – переспросила чернобровая фурия, как преданная работница «Похоронного дома».

– Да ведь могилку-то всё равно копать придётся, когда я помру, меня к Тихону во второй отсек и подложите! За меня-то платить некому будет!

– Мария Степановна, я понимаю, вы так шутите?! А у нас регламент! Вы проживаете по адресу, что в паспорте указан?!

– Там, дочка, там!

– Ну, так давайте договорные документы оформим на похороны за счет будущей продажи дома. После вашей смерти он отойдет в городскую собственность?!

– Так, может, тогда и документы на могилку выправим?! – говорила Мария Степановна с хитрым подтекстом, вроде как торговалась. И осознавала она, что выхода другого у неё не было. Такие истории с кредитами и с домами, мне рассказывали уже не раз, и видел, и понимал я, как Димуля Глухарь и его поделщик Гнус наживались на людском горе. Мало того, ни для кого не было секретом, чтобы обналичить материнский капитал, получить деньги без бюрократических проволочек, нужно было опять обратиться к Димуле. И он дорогим нашим мамочкам, родившим детей для пополнения численности жителей страны, а здесь – города Сердобска, обналичивал государственный сертификат. Но они должны были сразу выплатить ему семьдесят тысяч, не отходя от его «кассы», то есть от его бессовестного, бездонного кармана.

Дальше я не стал дожидаться, чем и как закончится история похорон Тихона. Ушёл. Пожалуй, в тот день я не шёл с кладбища, а летел и гнал от себя назойливый стон души: «Неужели, правда, что у Глухаря сын от первого брака служит в ФСБ, и поэтому сам он, как слуга народа, позволяет себе глумиться и издеваться над этим же народом?!.. Сын, мол, прикроет при своих полномочиях!» А прямо напротив Красного Дома, здания администрации города и района, у нас церковь с пятью куполами! Звон колоколов раздаётся, разносится повсюду и заходит не только в мою квартиру, но и обволакивает благовестом всё земное пространство вокруг себя. Он покрывает большое здание городской и районной администрации, где восседает пока живой, но бессовестный Димуля Глухарь.

Среди суеты повседневных забот мы повстречались с его поделщиком, Гнусом, в центре города у большого двухэтажного строения. В настоящее время – этот красивый магазин тоже принадлежит Димуле Глухарю, главе или мэру. Я не раличаю такие «тонкости». Для меня они все – одна безумная банда казнокрадов. Тут же рядом и цветочный магазин опять у «семейства Глухарей», у его родного брата. По-другому в нашей стране не могло быть, не могло произойти и состояться иначе. Сорняки всегда появляются первыми на свежевспаханном поле. А бессовестные люди, как и сорняки, часто называя себя либералами, а хуже – демократами, при начальной стадии построения свободного общества в безбожной стране, пробиваются быстрее всех. И страна не развивается, а тонет в безжалостной коррупции!

Всё случилось в этот раз само собой, я завёл с Гнусом разговор о бизнесе. То есть разговор состоялся с поделщиком Глухаря. С чего вдруг, я уже не помню и сам, стал предлагать ему заняться птицефабрикой: мол, куриные яйца и куриное мясо востребованы во все времена. Тогда мы с ним ещё общались, и я лишь высказал доброе пожелание, изменить приоритеты в своём бизнесе.

«Похоронка» в будущем никогда не будет и не станет, говорил я, у нас бизнесом и позорным средством для зарабатывания бешеных денег. Таким же прибыльным бизнесом сейчас для бандитов остаётся и аптечное дело. Населению от этого некуда деться, особенно в нашем регионе. Губернатор Мельников, толстый и ленивый боров в очках, позволяет Гнусу оставаться хозяином одного похоронного бюро на весь Сердобский район. Его похоронный бизнес превратился в отъём денег на слезах у обворовываемых бедных людей самыми подлыми, бессовестными способами и средствами. Все мы, «пензюки», оказались в одном страшном положении. Нам некуда бежать, не к кому обратиться и пожаловаться в поисках правды и справедливости.

Маленький ростом неказистый Гнус в последнее время умышленно худел. Они были с Димулей Глухарём очень похожими. Гнус загорелся желанием, поправить подорванное здоровье после долгих лет злоупотребления алкоголем. Но казался теперь ещё гаже, чем прежде. Он изначально выглядел, словно измождённым недоноском из роддома или случайно выпавшим прямо оттуда... мёртвым плодом, когда покинул матку... и стал выкидышем. Но ему всегда хотелось заговорить при встрече со мной. Гнус, как будто жаждал объясниться, и не хватало у него терпения рядом с теми людьми, кто жил совершенно иначе. Именно тогда ему хотелось показать «его»... и обязательно блеснуть «им», своим – «незаурядным умом». А я должен был поверить, что «он» у него есть, и, как он считал, ни грамма не осталось у своего наставника – у тупого бандита Кени.

– Да ты что думаешь, Петрович, я дурак!? Да я с красным дипломом пединститут закончил! – страстно бахвалился мне Гнус.

У них у всех, или почти у всех, непременно загоралось от бешеных денег странное и непреодолимое желание, покрасоваться на людях. Только один среди них, осторожный и умный тренер по боксу, наставник банды, бывший зэк, Пичуга, всегда избегал этого. Тот был другим. Болезненное явление, как бесстыдное необоснованное ничем желание – повыёживаться, рано стало прорезаться у самого тупого из них. Им оказался немногословный, мочаливый, как попугай Попка, скудоумный, ученик Пичуги – боксер Кеня. Ему хотелось спрятать от людей свой звериный оскал, но он не мог, не научился, или не получалось. И было трудно его скрыть, оттого что он оказался обладателем большого и квадратного подбородка. Из-за этого Кеня выглядел злым, что соответствовало его тайной, замкнутой натуре и всему внутреннему его подлому содержанию! Всё у него выходило по теории итальянского врача психиатра, профессора судебной медицины, Чезаре Ломброзо. Тот давно отметил, что во внешности типичного убийцы чаще всего – это выдающейся вперёд четырёхугольный подбородок. Одно помогало и выручало всегда Кеню, что он уродился красивым мужиком, похожим на известного французского актёра. Но красивые женщины долго не задерживались в жизни Кени. Как признавалась мне одна из них, Таисия из села Пригородного: «Я устала от его тупости! Помнишь, Петрович, как в анекдоте: «Тракторист обращается к красивой и умной жене: – Ты Рембрандта читала?! – Вань, Рембрандт не писатель, а художник! – Ну, всё равно, шей, и у койку!» Вот так тот тракторист поговорил с ней об искусстве, о чём она его раньше упрекала, что он только о койке думает!» – так разочаровалась в глупом Кене и красивая женщина.

Потом у него народится новое явление. Кеня впадёт в религиозный экстаз. Будет не только серьёзно думать, но и глубоко верить, что он помечен самим Господом Богом. Он после «удачной» бандитской жизни, когда Всевышний якобы выделил его, одарил богатством, так он размышлял и решил сам нести людям просветление. Он станет говорить им то, чего, мол, они не понимают, как понял он, что «Бог не хочет никого видеть бедными». Но он ещё не осознавал, что богатство его было испытанием Дьявола! Они в кровавые 90-ые подмяли под себя все средства производства и скопили бандитский стартовый капитал на лжи и обмане для развития в дальнейшем своего бизнеса. И насмеялись, что другие этого не смогли!

Потратит он немалую сумму, и вставит в свой ненасытный бандитский рот 32-ва дорогих зуба. И будет усмехаться, что у человека, как у акулы, нет места для второго ряда зубов.

– Сергей Петрович, ты же доктор, когда вы для людей второй ряд зубов придумаете!?! Чтобы два ряда и по 32-ва зуба в каждом! – решил блеснуть знаниями и юмором тупой Кеня.

– Хорошо бы так было, если бы ещё государство субсидии выдавало для лечения хотя бы одного ряда! – намекал я на его жадность.

Работавшие на него несчастные крестьяне, где я больше всех сочувствовал трактористам, перебивались, как могли. Они не имели возможности не только зубы вставить, а не могли

накормить свои семьи, жён и детей, досыта. Не всегда им удавалось наесться обычных русских щей с мясом.

– Алексан Палыч, нельзя ли мне в этом месяце зарплату раньше выдать!? Жена неделю не спит, зуб болит, а к стоматологу попасть не может, платить надо! – умолял его скотовод Иван из Байки.

– Ваня, нет пока денег, налички нет, пусть жена к бесплатному стоматологу ходит, – отвечал ему «легализовавшейся» бандит.

– У государственного зубника за хорошее обезболивание тоже платить надо. Вроде «ультракаином» это лекарство называется.

– Потерпи, Вань, и жена пусть потерпит!

Сцена бандитской казни Хромова, по прозвищу «Хромой», давно начала стоять у него перед глазами. Хромой начал являлся к нему, как живой.

Кеня разобрал тогда в деревне старый сельский клуб, привез его брёвна в Сердобск, и мастера собрали из них церковь. Он стал читать в ней для прихожан беседы Братца – Чурикова Ивана Алексеевича. Но Хромой, как наваждение, продолжал ходить к нему и в церковь! Кеня проклинал тот роковой вечер, когда Хромова они поставили на колени. Они перебили ему кости голеней, лицо превратили в кровавое месиво, и узнать его, перед тем, как живого и связанного закопали, было невозможно. Будущий «служитель бога» тряс в ту роковую ночь пистолетом и орал:

– Я же говорил тебе, уйди с моего пути! Уйди!

– Не вам, суки, распоряжаться в нашем городе! – отвечал Хромой, сплёвывая кровь со рта. – Не вам, шакалам!.. Никогда вы не были людьми! Ты, Жиган, – он покосился в его сторону, – сдохнешь от цирроза печени! Тебя, Тафай, – на него Хромой даже смотреть не хотел, – инсульт разобьёт! А ты, не Кеня, а Кеша из мультфильма, попугай бездарный и тупой, долго от рака подыхать станешь!

Бельма у Кени, налились кровью, как у злого пса или у бешеного быка. Он прорычал Жигану и Тафаю:

– Закопайте его! Живьём!

Эти фашисты, как прикормленные псы, так и сделали. Земля над трупом дышала и двигалась до петухов!

Кеня оформит церковь, как личную собственность, на сына, толстого и убогого лентяя. Сам, состоявшийся отец-убийца, каждое божье воскресенье начнёт вести религиозные беседы. Но оторваться от печатного текста книги не сможет никогда. Говорить без её помощи, как без суфлёра, не сумеет. Такой же глупый бандит Берёза (погоняло у него из зоны), тоже лишавший людей жизни, но отсидевшей большие срока за два убийства, стращал его:

– Бог не Микишка – у него своя книжка! Вместе мы с тобой, Александр Павлович, замарались, за что нас и называют убийцами. Но покайтесь, и Бог простил нас! – говорил он и верил, что так легко получить прощение от Бога. Убивай, мол, а потом покаешься, и Он простит!

Полемика с Гнусом, о чём я начал рассказывать уже чуть раньше, у нас всё-таки состоялась ...

– Игорь Евгеньевич (так в паспорте записали когда-то Гнуса), тебе никогда не хотелось построить птицефабрику, разводить курей, продавать куриные яйца или бройлеров?! Это бизнес вечен! Он всегда нужен людям!

– Ты думаешь, первый такой смышлённый?! Умный, да?! Попробуй, найти рынки сбыта?! Для яиц! Для куриного мяса! Давай ещё перепелиные яйца выращивать?! Потом страусов разводить!

– Но «похоронный бизнес» завтра может государство забрать. И если не завтра, то позже заберёт! Отдадут ветеранам войны, например, афганцам!

– Ты думаешь, мы и там своих «афганцев» не поставим на ключевые места, которые под нами ходить будут?! А доход делить всё равно будем мы!

– Но государство может национализировать такой бизнес или такой род частной деятельности, и вернуть похоронную службу под полный себе контроль! – не унимался я убеждать его, словно решал или мог решить постыдную государственную проблему.

– А Кеня другой?! Что не такой бизнесмен, как мы?! Собрал людей в церковь и в свой колхоз! Коммуну вам обещает! Он нас всех кинул и ушёл с обшакон! А вас и тем более в дураках оставит! А морг я по-любому заберу, что мне ваш Плотников! Ноль без палочки. При Бочаринкове пыжился, а при Чернореченцеве сдулся, как воздушный шар, или лопнул, как мыльный пузырь! В морге все, что ли, такие? Петрович?! Скажи!? – и он заржал мне в глаза, не стесняясь гадких намёков, но сам никогда не тянул на образ мачо. – Деньги любят все! Я знаю, кому и сколько дать. Дети губернатора «похоронку» в области в руках держат. Страна вымирает. Смертность больше рождаемости. Мы всех дураков, похороним, и в Испанию жить уедем! – и он опять заливался сардоническим смехом. – Заберу вас в аренду! – Гнус оскалился, и скроил из своего лица, как часто делал, мерзкую рожу. – От моего бизнеса много важных людей в погонах кормится!? – снова хвалился он.

– Менты!?

– Бери выше! У них петлицы и шевроны на форме другие!!

Потом, когда губернию возглавит Мельников, я увижу, что всё продолжится так, как и говорил Гнус!

Такое отступление в романе на разговор с Гнусом, я допустил, когда прервал описание дискуссии с Туракановым. Тот тоже остался своеобразной вехой в истории бандитского Сердобска. Я заполнил о нём немало уже страниц своих воспоминаний.

– Никто не виноват! – продолжал я говорить Трыке по поводу смерти его брата. – Скорее, так сложилось в стране. Безумное время. Виновата система. Представь, если бы в больнице было бы другое оборудование. Все богатые бизнесмены в Сердобске, как ты, могли бы его закупить для единственной больницы. И, когда произошла бы остановка сердца от тромбоэмболии лёгочной артерии, мониторы стали бы издавать звук сирены и на экране появилась надпись «Тромбоэмболия Лёгочной Артерии!». Хирург за одну минуту скальпелем раскрыл бы грудную клетку, правый желудочек сердца, и удалил бы тромб. Он был бы уверен в своих действиях изначально. Диагноз поставила бы, превосходящая человеческий разум, машина, компьютер, через датчики, что подключены к пациенту. А истошный, женский голос кричал бы: «Тромбоэмболия Лёгочной Артерии!..» Это, как сигнал опасности на панели управления самолетом или вертолетом, он тоже кричит женским голосом!.. «Отказ обоих двигателей! Падаем! Падаем!.. Мы падаем!»

Зачем я ему добавил тогда про женский голос, я не осознал сразу.

У меня произошло странное откровение или оговорка на уровне подсознания (по Фрейдю). И только потом я догадался, почему это случилось.

– А у нас, в Сердобске, – говорил я опять Трыке, – даже не то, что такой аппаратуры нет, элементарных реактивов нет. Всю больницу разворовал главный врач. Нет возможности, проверить время свертывания крови или ее сгущения, гематокрит. От повышения вязкости и свёртываемости крови увеличивается риск образования тромба. Я не знаю, есть ли такая аппаратура в Москве, которая сигнализирует во время операции о тромбе в лёгочной артерии. Но она уже есть в других развитых, демократических, странах. Не хирурга тебе надо убивать. А ты ведь у Салахова, у главного врача, муку покупаешь, а он её мелит из дармового зерна. Ты

пельмени из его муки в гриль-баре лепишь. А у наших врачей в реанимации нет возможности сделать простой анализ крови... Салахов всё спустил, продал, через собственные аптеки.

Я тогда промолчал о Цереленко, который не мог определить у младшего Тураканова, жидкая или густая кровь, от этого не знал, что нужно делать – сгущать кровь или разжижать!!

Я упрекал Трыку в те самые 90-ые годы.

А Салахов со своим родственником Лаптевым, вельможей из Минздрава области, до сих пор продают бюджетные средства, отпущенные на деньги налогоплательщиков. Они сбывают: медикаменты, перевязочные материалы, лабораторные реактивы – через систему своих аптек и наживаются на здоровье больных и на их смерти. Население города и района продолжает таять и сегодня. Вымирает!

– Видишь ли, – не кончался мой разговор с Тураковым, – после операций и наркоза у больных, страдающих алкоголизмом (тут я имел в виду его брата), нередко бывают подобные осложнения. Тромбоэмболия лёгочной артерии!

Трыка потемнел лицом, стал чёрным, как туча. Тяжело поднялся с той пресловутой кушетки, что уже тогда стояла в моём кабинете. Его охватила неприкрытая, страшная и ужасная грусть.

– Ладно, Петрович, извини! Я тебе верю! Пусть живут врачи!

Через несколько дней, когда хоронили Сашку, он выкроил время, и приехал на кладбище. Старший Трыка решил попрощаться с очень близким для себя человеком.

Подошёл он к гробу сквозь, учтиво расступившуюся, толпу и остановился у изголовья, как делали другие родственники. Сдвинул брови и тихо произнёс:

– Прости, брат!.. Каюсь!.. – ему хотелось покаяться за то, что не уберёт от глупой и психически нездоровой жены.

Многие прослышали, что она ткнула Сашку ножом. А последствия операции и наркоз оказались фатальным стечением обстоятельств, которые привели к смерти.

Долговязая Оля, с лицом недоразвитой юной девочки, отделилась от своих подруг и подошла к нему. Нагло заговорила с братом умершего мужа (со своим деверем):

– Я же говорила тебе, нельзя жалеть денег на единственного брата! А ты всё экономил! Дозэкономился??! Недаром говорят, что ты жадный! – от неё снова разлило алкоголем.

Он резко ударил её ладонью по впалой щеке. Обозначились тут же красные полосы на месте приложения хлесткого удара – на маленьком личике с дёргающимися веками, как при нервном тике. Голова у неё крепилась на худом тонком туловище через гусиную шею, больше похожую на свинячий хвост. Весь её образ напоминал истаскавшуюся суку в запойной алкогольной кутерьме.

Она закачалась, и чуть было не свалилась в свежерыкопанную могилу. Её удержали подруги. Она вместе с ними уходила в регулярные запои, а теперь они решили своим присутствием утешить пьяную вдову (хотя Оля быстро окажется в объятьях новых ухажеров).

Трыка зло прорычал снохе, не просыхавшей от «Амаретто»:

– Дети у тебя от него! Скажи спасибо им! А так, если бы не они, убил бы! Всю жизнь ты была дурой и истеричкой! Такой и осталась! Ты его в живот ножом ткнула, а мы в ментовку сдавать тебя не стали! Чтобы ты детей растила! А ты уже по рукам пошла, глупая проститутка!

16

– Итак, – продолжал я речь в кабинете Пупка о тяжких телесных повреждениях у Нефедовой, – мы говорим о сосцевидном отростке. И неважно какой, левой или правой, височной кости. Я неслучайно выложил учебник анатомии, атлас и распечатку из интернета! – и я говорил сидя, так как совещание изначально строилось на доверительной беседе (хитрый ход Велиара). – Так вот, – пытался мягко стелить я свою речь, – учебник и атлас, которые лежат на столе,

в них нужные строчки я пометил закладками для сегодняшнего разговора! Тот, кто захочет перепроверить, что я говорю, милости прошу! – И только тут Пупок очнулся, он догадался, что я просчитал его, предвидел весь разговор, и хорошо к нему подготовился. – А в некоторых местах подчеркнул строки и абзацы графитовым карандашом, а не авторучкой, чтобы легче потом было стереть. Любой из вас может сейчас перечитать пометки, и освежить знания в своей памяти!

– Сергей Петрович, – со злом оживился Плотников, – что вы нам всё это бубните?! Что вы тянете Машку за ляжку?!

– Так вот, я и говорю, – невозмутимо продолжал я, – про внутреннее основание черепа. Мы должны четко определить для себя, какими костями черепа он формируется. Это то основание, о котором читаем в учебнике и видим на картинке в атласе, – я показал всем картинку. – Трудно возражать, что сосцевидный отросток не принимает участия в формировании основания черепа! Конечно, принимает!

– А мы-то, о чем, Сергей Петрович, уже не меньше часа гробим на вас время!! – выдохнул Пупок тяжелый воздух, и вонь его еще больше потянулась по поверхности стола, отравляя обоняние всем присутствующим.

– И именно эту внутреннюю костную пластину мы и видим, когда отделяем твердую мозговую оболочку, – уточнил я.

– Сергей Петрович!.. – очень неестественно задёргался Пупок и стал давить на меня: – ... А мы что-то еще не знаем, что вы пытаетесь донести до нас?! – тут он самодовольно посмотрел на судебного врача, на того, который занимался у себя в районе прибыльной коммерцией от аптек.

Тот в ответ наигранно улыбался ему. Но он давно понял, куда я клоню.

До этого мы с ним уже не раз беседовали, еще в бытность, когда возглавлял бюро ПОпов. У того ударение в фамилии, я специально об этом напоминаю, на первую букву «О».

Удачливый предприниматель восхищался мною, но тогда я так и не понял, насколько это было искренним.

– Петрович, смотрю, у тебя накопился немалый опыт. За год выполненных экспертиз больше, чем у любого эксперта в Пензе!

Но разговор этот произошёл давно, и как аптекарь поведет себя в новой ситуации, я не знал.

– Хорошо, я подытожу все выше сказанное, – снова говорил я и понимал, что пора кончать канитель. – А чтобы совсем было легко и просто, пусть попробует каждый из вас, у кого есть такой телефон... – и я показал на провизора Андрея; у меня самого такого телефона не было, не купил еще... – зайдите в интернет и задайте в Яндексe или в Гугле очевидный вопрос: что формирует внутреннюю пластину основания черепа, и вы поймете, что сосцевидный отросток височной кости не имеет к этому никакого отношения!

Повисла тяжелая пауза.

Все районные эксперты наклонили головы и исподтишка следили за реакцией Пупка. Они ждали её на мою реплику и на всё мое замысловатое выступление. Только аптекарь тихо и непринужденно продолжал рыться в информационном поле интернета и двигать пальцем по экрану смартфона. Но, скорее всего, он писал вопрос в Гугле или в Яндексe (мне не было видно со своего места) в поисках ответа.

– Андрей Николаевич, вы тоже так считаете?! – обратился Аркаша к предпринимателю, научившемуся правильно расфасовывать пилюли.

Я, с горьким чувством в душе, подумал, за кого же он будет, если не за такого же, как и он сам, торгоша Плотникова. Пупок давно уже продавал свою совесть!

– Или правильнее спросить: вы тоже разделяете мнение Рондова!? Он опирается на недостоверные доказательства в своих выводах! – продолжал говорить продажный Пупок, испытывая аптекаря на лояльность к себе.

Власова в это время заёрзала худыми ягодицами на широком сиденье стула.

– Да вы знаете, – непринужденно начал говорить тот самый аптекарь и судебный врач в одном лице, – как бы ни казалось это странным, но доктор Рондов прав!

Движение времени для Пупка остановилось. Он не ожидал и никак не хотел слышать такого ответа. Перед ним сидел человек, который по социальному статусу и положению должен был занять его позицию. Ведь бизнес в России, считал он, не делается чистыми руками и честными помыслами.

Пупку хотелось иметь в союзниках аптекаря. Глупый Столяр съезжился, словно согрелся в темном полосатом костюме. Он сгруппировался, как толстый хомяк или пасюк (крысёныш), экономил силы, как сохраняют они тепло.

– Сергей Петрович, но нам непонятна другая сторона в подобных историях. Вы злоупотребляете своим положением, да-да, положением... – начал опять говорить Плотников. Я догадался, что он резко меняет курс для новой очередной атаки, потому что с предыдущей ложью от своего невежества, промахнулся. – Вы даёте оценку действиям лечащих врачей и даже обсуждаете и критикуете наши заключения, своих коллег, экспертов! Министр здравоохранения и раньше показывал мне не первую такую жалобу на вас, но сейчас от некоего... – тут он заглянул в записную книжку, потому что не смог вспомнить фамилию автора письма. Но я сомневался, что претензии были адресованы мне, —...Никонова! Он утверждает, что вы вскрыли труп его жены и поставили диагноз – пневмония! Причем вы ему даже объявили, что это вирусная пневмония! Откуда вы могли знать, что она «вирусная»?! Мало того, вы убедили его, что смерть наступила по вине врачей! Мол, 21-ый век, а больные все еще умирают от пневмоний! И он поверил, что виноваты врачи, и теперь пишет жалобы, требует привлечь к уголовной ответственности тех, кто лечил его жену!

– Это ложь! – не удержавшись, выкрикнул я. – Извините, что громко говорю!.. – извинялся я перед всеми за громкую речь и за эмоциональную несдержанность.

У меня не было желания выглядеть хамом.

– Я никогда не злоупотреблял своим положением!– отрезал я однозначно. – Тем более для удобства родственников! Мой диагноз вписан в свидетельство о смерти, которое мы выдаем им на руки! – говорил я все громче от горькой обиды и незаслуженного обвинения в свой адрес. – Диагноз не может быть секретным, если они слышат его из моих уст. Он не вправе оставаться скрытым!

– Доктор Рондов?!.. – ехидно попытался остановить меня Пупок. Но я не мог дать ему возможность, остановить меня, чтобы не закончить свою мысль. Его это злило и раздражало. Он перебивал меня и хотел заявить: – Знаете...

– Нет уж, Аркадий Петрович, позвольте договорить мне?! – я не останавливал своего напора мысли и конечно горел желанием разоружить Пупка. – Вы навязываете экспертам ложь, что я зарабатываю себе дешёвый авторитет. Но я никогда не обсуждал с родственниками, правильное или неправильное было лечение близкого для них человека. Я не наживал себе легких дивидендов на критике даже бездарных и ленивых врачей! Это не мой стиль работы! – говорил я совершенно искренне, без утаек и натяжек. – Я вынужден говорить об этом в сложившейся ситуации...

Они позволяли говорить мне только потому, что не могли ожидать, что эксперт из района станет читать им мораль и учить правилам хорошего тона. Такая пауза с их стороны давала мне время, высказать больше, чем я мог на это рассчитывать.

Я продолжал говорить:

– ...Это принципы! Надо хорошо понимать, и я всегда это знал, что оценку действиям врачей дает комиссия судебно-медицинская экспертиза! Вы же...

– Вы даже не представляете!.. – наконец, оборвал меня Пупок своим криком. – Каких нам стоило трудов и усилий, изменить вашу вирусную пневмонию на бактериальную!! И свести ваш диагноз на обструктивный бронхит с нижнедолевой пневмонией!

– Ну, вот отсюда и жалоба Никонова. Как, мол, в 21-ом веке умирают от этого люди! Эра антибиотиков давно уже вступила в полную силу. А против вируса до сих пор нет таких же эффективных препаратов! Вы ввели, вероятно, в заблуждение министерство здравоохранения только с одной целью, чтобы дискредитировать меня, и чтобы стало легче уволить с работы! – очень быстро сказал я, пока не перебили.

Но тут вмешалась в разговор Власова, якобы намеревалась она встать на защиту интересов службы, а на самом деле, стремилась вовремя лизнуть начальника:

– Подождите, подождите! Вы тараторите так быстро, будто хотите пересказать нам пресловутый нравственный кодекс!

Ей казалось, что она оберегает непреложный статус Плотникова.

– Мы обсуждаем то, – попыталась показаться умной заместительница Пупка, – что обнаружил муж потерпевшей. То есть, извините, умершей женщины! И он писал жалобу не на меня и не на Аркадия Петровича, а указал вас. Он утверждает это письменно и изложил весь текст с подробностями вашего разговора!

– Зачем вы мне говорите эту чушь и ложь?! Почему мне эту клевету нужно обсуждать, да ещё оправдываться?! – взорвался я в порыве злого возмущения. – Вы поливаете меня грязью, ссылаясь на письмо какого-то человека, письмо которого я лично не видел! Где его ксерокопия?!

– Вы хотите сказать, что мы с Аркадием Петровичем сейчас всё это сочинили... не знаю, как уже и назвать... Пасквиль, что ли, пишем на вас?! – с ухмылкой административного превосходства говорила безвольная подчинённая, утратившая всякий стыд.

Она давно потеряла совесть простого врача (но когда-то давала клятву Гиппократу) в службе Пензенской областной судебной медицины. Власова уже не один год неистово раболепствовала перед Плотниковым.

Эксперты-коллеги, что сидели за столом, продолжали безмолвствовать.

Когда я пытаюсь сейчас забыть в Сибири и вытащить себя из тяжёлых переживаний, я включаю музыку «Rondo Veneciano»! Но, к сожалению, снова всплывает слово «рондо», только уже с продолжением «V» – то есть «Рондо-В»!

– Я хочу сказать, что это ложь! Вы говорите ложь! Потому что наш разговор с мужем умершей Никоновой записан мною на диктофон! – сказал я умышленно печальным голосом. Я вспомнил суть разговора с несчастным мужем в его общем смысловом содержании.

Допустил я тогда моральную слабость – пыжась на скорую руку в тот момент, пытался лукавить. На самом деле я не записывал его на цифровой носитель с помощью «жучка». Тот остался у меня от чекистов после дела по Маскаеву.

– Как?! – словно ужаленный роем пчёл или искусанный бешеными собаками, взвился Пупок.

Но я брал их на пушку.

– Зачем?! – стыдась и краснея, взвизгнула и Власова, словно её тоже, укусила та же собака, но отказались кусать брезгливые пчелы. – Для чего?! На какой хрен вам было это нужно?!

– Просто я предвидел сегодняшний разговор! – стал говорить я более спокойно, догадавшись, что они врали оба, поэтому и клюнули на мою приманку с крючком и наживкой. – Я иногда делаю это, чтобы не оказаться в дураках в таких ситуациях!

– Так вы, может, и нас сегодня пишете?! – с опаской в голосе и настороженно произнесла Людмила Владимировна.

До Столяра дошло, что случилось, и он будто вспомнил, что забыл включенный утюг или открытый кран с водой с центральным водоснабжением в собственной квартире. Он рванул от общего стола, за которым и происходило совещание. Нырнул в соседнюю комнату. Через неплотно закрытую дверь я услышал работу мониторов. Я догадался, что он облучал нас вредными и опасными электромагнитными волнами, чтобы глушить моего «жучка». У него была там «глушилка»!

Из тайной комнаты он вернулся быстро. При всех глубоко и облегчённо вздохнул, словно освободился от тяжёлого груза или от тяжкого наследия.

Желание у Пупка продолжать дальше глупый и бесполезный разговор, неожиданно пропало.

– Все свободны! – сказал Пупок. – Сергей Петрович! А вы задержитесь!

Пупок сказал последние слова, не поднимая головы.

Все эксперты обрадовались, собрались и ушли. Власова тоже стала уходить, предварительно тихо переговорив с начальником. Она ему шептала что-то на ухо! Но следуя мимо меня, а в тот момент я оказался к ней спиной, она по-отечески, а применительно к ней, правильнее было бы сказать – по-матерински, позаботилась обо мне. У меня механически могло вырваться только одно восклицание: «Мать её!..». Она наклонилась ко мне со стороны левого уха. Быстро, но шумно прошептала так, чтобы слышал её Плотников. Пустобрёхова (это её девичья фамилия) не придерживалась никаких этических норм поведения. Она не пыталась сохранить информацию в тайне, чтобы она была конфиденциальной и осталась бы только для меня.

– Сергей Петрович! С начальником так не разговаривают!

Я пересказываю ее бред слово в слово, как она своим словоблудием, словно вылизывала ему срамное место. Но я передаю её едкое замечание без страстного причмокивания губами бессовестной женщины, что мне даже противно упоминать подобное лизоблюдство.

Однако я не мог не отреагировать на театральную сцену, чтобы позволить ей уйти «налегке». С сарказмом и громко выстрелил порцию защиты в назидание хитрой Горгоне:

– Людмила Владимировна! – Она, от язвительного обращения к ней, притормозила каблуками, как автомобиль шинами, скользя со свистом, и повернулась правым боком. И я продолжил: – Я слышал неоднократно, как вы разговариваете с подчинёнными. Не стесняйтесь пересыпать свою речь скабрёзным русским матом! Подчинённых унижать легче, они не могут ответить вам тем же! А я сегодня лишь высказал мнение по существу, как по наболевшей проблеме!

– Я?! Обижаю подчинённых?!

Она во время моей тирады пяtilась к двери. Власова восклицанием – «Я?!» – будто удивилась, но покраснела, потому что ее слышал сейчас и Пупок. Хотя только что, всего минуту назад, она сама этого активно добивалась. Я говорил достаточно громко и демонстративно рьяно, ни от кого не скрывал свою речь и свободные мысли.

– Вы, Людмила Владимировна! Вы! Именно вы!

Она в той ситуации не нашлась, что ответить. Вывалилась из кабинета, при этом не утратила красного цвета лица.

Дома записей на «жучке» я, конечно, не обнаружу! «Глушилка» у Пупка сработала!

Как любой нормальный человек на моём месте, я не стал бы записывать муки и переживания мужа в тот момент. У него случилось горе, умерла жена от вирусной пневмонии, а я додумался бы записывать его плач и стоны. Большого такого безумия, как прийти в голову только Велиару и его слугам, или служанке Власовой, никому не могло.

После окончившегося совещания, как и после многих других, бестолковых и ненужных собраний, Пупок ждал, когда кабинет опустеет. Он хотел остаться со мной наедине, тет-а-тет. Всё стихло.

Пупок не шевелился. Я томительно выжидал, что же ещё такого ужасного и коварного он вынашивал в своих планах.

– Господин Рондов! – Пупок обратился ко мне и сложил губы трубочкой, как губки воспалённой уретры у больного, страдающего гонореей или триппером (старое обозначение этого заболевания). – Почему вы так мало сдали денег по ритуальным услугам?!

Ну, вот, наконец, я дождался, когда прозвучал тот самый и чревычайно важный и съедавший жадностью и ненавистью ко мне, Велиаров вопрос!

Вот он тот главный и единственный вопрос, ради которого и было придумано всё Велиаршоу! Этим диким стоном, как безумным возгласом, вырвались у Аркаши слова целым предложением. Учитывая, что в области 33-ри района, где одна Пенза, как областная столица, давала ему больше двадцати миллионов рублей в год от ритуальных услуг, не подотчётных, практически неучтённых денег, то всё у него было сейчас хорошо. Последняя его покупка, какую он совершил недавно, – это дорогой автомобиль из салона, марки БМВ!

Неприятный запах от Пупка усиливался, распространялся. Становилось крайне затруднительно находиться с ним в одном кабинете.

– Светлана Васильевна посвятила меня в вашу тайну! – сказал он.

«Ну, наконец-то! И здесь всё становилось на свои места!» – подумал я, что они снимали маски, и Пупок переставал скрывать, что Луцкая стучит на меня.

– Вы зарабатываете на бальзамировании от пятидесяти до ста тысяч рублей в месяц?! – он сверкнул в этот миг, если не стрелами молний, то высекал искры, словно из огнива, для разжигания бенгальского огня из бесстыжих глаз.

– Кто же Луцкой запрещает оформить ИП и проводить внутрисосудистое бальзамирование?! – говорил я про обычный и законный способ подработки, о чём в свое время надумил меня сам Попов. Помню, как я просил его прибавить хотя бы полставки за возросший объем работы. Он посоветовал мне бальзамировать, чтобы я не выпрашивал никаких добавок за оплату своего честного труда.

Пупок мне тоже платил за работу позорно мало, как и Попов. Никто из них не учитывал, что я выполнял объём работы на три ставки районного эксперта. Но Попов тогда надоразумил меня бальзамировать трупы и таким ужасным способом как бы «дозволял» немного и легально подрабатывать и увеличить свой доход. А сами «ставки» врачей уходили на оплату и поощрение нечестных и преступных заключений подлому Блязину и другим членам комиссионных судебно-медицинских экспертиз.

Но в аптеке, разливая формалин по тарам, когда я просил наполнить мне канистру, брали за это дополнительную оплату. Это была компенсация, казалось бы, за несложную работу. Настолько он оставался и остаётся для всех опасным и токсичным церебрально-спинальным ядом.

– А мне – плевать, нет, даже – насрать, какое бальзамирование вы делаете. В квитанциях у всех должно стоять внутрисосудистое бальзамирование! И деньги должны быть перечислены мне! Услуга от государства, как внутрисосудистое бальзамирование, не предусмотрена! Все эти ваши штучки-дрючки оставьте для себя! Деньги должны быть у меня! – он тут, возможно, снова оговорился во второй раз («деньги мне и у меня», для этого он и глушил моего «жучка»),

но даже не смог и не успел понять сам, что сболтнул чушь, но легко перевернулся с одного бока на другой. И заорал в мой адрес: – ... В том смысле, что деньги должны поступать в бюро! Мы здесь все работаем, а не вы один!

– Я не буду выписывать квитанции на двойное бальзамирование! Закон наш... – но я не успел закончить мысль, что обманывать родственников умершего не только противозаконно, но и аморально.

– Я и есть ваш закон, если хотите работать! А нет, пишите заявление по собственному желанию! – он визжал и брызгал зловонной слюной.

– Заявление я писать не буду! – определённо и чётко сформулировал я свою мысль.

– Пока я работаю...

Я тоже не дал ему закончить очередную словесную галиматью:

– Нет, это я работаю!

– А я всем повторял, и буду повторять: пока я работаю...

– Нет, и ещё раз нет!! – перебил я его снова, одержимый словами: «Мы не рабы, рабы не мы!». И продолжил: – Вы руководите! А работать приходится мне, причём с ядом! И с трупным, и с церебральным! Хочу напомнить, что вы руководите не выводами моего заключения, а должны создавать комфортные условия для исполнения мною служебных обязанностей. А я один несу уголовную ответственность за правильность своего «Заключения»!

Я всё больше и больше начинал понимать, какое чудовище возглавляет наше областное бюро.

– Поэтому писать заявление нужно вам! – сорвались у меня с языка слова отчаяния, как от беспомощной жертвы.

– Я?! – удивился Пупок, словно слышал про свой Судный день, когда его пригласят на Йом-Кипур.– Я?? Писать заявление по собственному желанию?! Я!?! – совершенно искренне удивлялся он оттого, что не понимал, как такое безумное и наглое предложение пришло в голову его подчинённому.

Но это выглядело в той истории настолько горько, что даже думать на заданную тему, потом станет мне страшно. По его представлениям, полного негодяя, Цари не могут писать заявление об уходе по собственному желанию. С таких и подобных мест, какое он сделал для себя коммерческой структурой, за сравнительно недолгий срок бесчестной, но уголовно наказуемой, деятельности, подонки сами не уходят. Их или выносят мёртвыми, или сажают в тюрьму. И он нагло произнёс в мой адрес:

– Ты вор!! – и оскорбил меня. Но я осознавал, что это было его проективной идентификацией!

18

Как я тогда не убил его сразу, не могу ответить на это вопрос до сих пор.

У меня всплывали в памяти и другие случаи, как приходилось работать даже ночью по разным на то причинам.

Помню, как одна сердобольная женщина, жена умершего мужчины, собирались рано утром увезти его в другой район. Ей предстояло доставить труп в село – Нижнюю Юрюзань. Родственники намеревались до захода солнца предать покойника земле. Передо мной стояла и хлопотала красивая татарка...

А так как мне приходилось часто работать без санитара, то в вечернее время я звал с собой родную маму. Она наполняла живой энергией окружающее пространство в жуткой тишине неухоженного, давно неремонтированного, помещения.

Но люди никогда не сумеют привыкнуть, и оставаться спокойными и равнодушными, если рядом оказался неживой человек, а попросту назовём его – труп. Страх смерти обусловлен всегда, как неестественное нахождение рядом с живым человеком – неживого субъекта. Врождённый инстинкт, и самый сильный из них – инстинкт самосохранения – наполняют нашу душу чувством опасности, и страшит смертью, чтобы мы хотели жить, и боялись бы тех причин, которые могут её оборвать...

Сам для себя я давно уже сделал вывод, что подобный страх берётся от неисповедимой разницы между двумя антогонистическими состояниями. Они появляются в границах психо-эмоциональных восприятий того чувства, как от земных переживаний смерти. Я запомнил свой ужас, когда ребёнком повезли меня в Мавзолей Ленина. Экскурсия оказалось для меня стрессом. Хотя я работаю теперь с трупами. Но я до сих пор не понимаю, зачем и для чего труп человека лежит на главной площади страны!

Однажды моя матушка, когда заменяла санитаря в морге, и мыла полы в секционном зале, потрясла нас всех ощущением этого страха. Она в прямом и переносном смысле обескуражила небольшой наш коллектив.

Я позволял ей мыть полы и не стоял рядом, когда морг оставался пустым. Трупов в это время не должно было быть ни в секционном зале, ни в хранилище, в пресловутом «аппендиците».

Врач-патологоанатом, патлатый Вася (как его назовёт военный следователь), кто часто портил и отравил мне жизнь, удивил нас тоже.

Он всегда ходил на обед в столовую электролампового завода прямо через секционный зал. Выходил на улицу через дверь прощальной комнаты. Там мы выдавали трупы. Ушёл он на обед тихо, как всегда, незамеченным. Мы не отчитывались друг перед другом до этого самого безобидного и смешного эпизода...

Моя мама, ничего не подозревала. Очень тщательно отмывала бетонный пол от привычного жирного налета в секционном зале.

Вася был очень маленький худой, скажем прямо, хлипкий и недоразвитый с виду. Шёл обратно он, как и уходил, через ту же дверь и по проложенному уже маршруту. Он возвращался из столовой электролампового завода (на заводе выдували в то время лампочки и заполняли их – аргон). В кабинете у него играл двух кассетный магнитофон, и популярный ансамбль исполнял песню со словами «Арго...». Вася натрескался в столовой: шей, картофельного пюре с котлетой, и запил всё сладким компотом из душистых сухофруктов.

Он увидел в большой комнате, или правильнее сказать – в зале для вскрытий – Рондову Зинаиду Михайловну. Ничего удивительного в этом не было. И Вася не удивился. Она и до этого нередко мыла здесь полы. А чтобы не пугать ее громкими или даже тихими, в общем, любыми, словами в помещении морга, где никого не было, решил, что несильно потревожит ее, если молча и бесшумно проскользнет до следующей двери. Васёк указательными пальцами легонько обозначил себя, так решил намекнуть, чтобы санитарка передвинулась в сторону.

Когда Зинаида Михайловна ощутила на своих боках два указательных пальца, она на долю секунды замерла. Мозг её в это время лихорадочно анализировал, считал возможные варианты! Вероятно, она могла подумать, что коснулись её чьи-то неживые руки, но им тоже неоткуда было здесь взяться. И тут она изо всех сил закричала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.